

101 ПРОЗАИК XXI ВЕКА

Александр
Трапезников

Язык его
ПРОПАВШЕЙ ЖЕНЫ

Четвертого июля перед молодым юристом в нотариальной конторе «Рябцева и сын» сидел запоздалый и довольно-таки странный посетитель. Он был как-то неряшливо одет, хотя и в дорогой костюм «от Армани». Но одна пуговица болталась на ниточке, а другая вообще ушла куда-то прогуляться. Модные туфли из мягкой кожи, но нечищенные. Белая сорочка грязновата. На лице небритость, прическа – «Только что проснулся». Казалось, человек совершенно равнодушен к своей внешности и в зеркало заглядывает не часто. Было ему около сорока пяти лет...

нейролингвистический роман

Александр Анатольевич Трапезников

Язык его пропавшей жены

Серия «101 прозаик XXI века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57120376

*А. А. Трапезников. Язык его пропавшей жены: Издательство «У Никитских ворот»; Москва; 2020
ISBN 978-5-00170-035-7*

Аннотация

У странного гостя нотариальной конторы в горах при сходе лавины погибла жена. Но некоторые мистические признаки дают основание предполагать о ее существовании. Автор увлекает читателя в детективное расследование, а параллельно погружает его в таинственную историю древних языков и цивилизаций, которыми занимается главный герой, стремясь отыскать единый праязык человечества. В этой познавательной остросюжетной книге много других неожиданных загадок и их расшифровок, а также авантюрных приключений и столь необходимой в поисках истины любви.

Содержание

Глава первая. Гроб Святогора	5
Глава вторая. Три дня назад	38
Глава третья. Пешком к Цветному бульвару и дальше	74
Глава четвертая. Два дня назад	109
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Александр Трапезников

Язык его пропавшей жены

© Трапезников А. А., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

Глава первая. Гроб Святогора

Четвертого июля перед молодым юристом в нотариальной конторе «Рябцева и сын» сидел запоздалый и довольно-таки странный посетитель. Он был как-то неряшливо одет, хотя и в дорогой костюм «от Армани». Но одна пуговица болталась на ниточке, а другая вообще ушла куда-то прогуляться. Модные туфли из мягкой кожи, но нечищенные. Белая сорочка грязновата. На лице небритость, прическа – «Только что проснулся». Казалось, человек совершенно равнодушен к своей внешности и в зеркало заглядывает не часто. Было ему около сорока пяти лет.

Молодой юрист же, собственно, и был единственным сыном госпожи Рябцевой, которая в настоящий момент пребывала по служебной надобности в Германии. Он свято чтит наказ матушки – стараться не упустить ни одного клиента, даже самого завалящего. Дела конторы шли не слишком валко, конкуренты заедали со всех сторон, а арендная плата за уютное помещение в одном из арбатских переулков подскочила в разы. Словом, не до жиру. А этот посетитель дорогой, сразу видно.

Потому он и слушал его предельно внимательно, не перебивая, хотя никак не мог взять в толк: чего же тому, в конце концов, нужно? А мужчина говорил сбивчиво, как будто бы ни о чем и, в то же время, обо всем сразу. Его рассеянный

взгляд соответствовал речи. Сначала она завелась о жаркой летней погоде, потом перекинулась на грядущие выборы, затем скакнула на инфляцию и ценовую политику, метнулась на футбольное поле Еврокубков и совершенно уж неожиданно перебежала к инфернальным явлениям в природе.

«Как же его зовут? – напряженно вспоминал молодой юрист. – Назвался так неразборчиво, будто бутерброд сжевал».

– Вся полнота мистики заключается именно в чудесах, – заключил тем временем странный гость, – они происходят с каждым из нас, просто мы не всегда готовы их принять и понять. Да и не желаем того.

Согласившись, Вадим Рябцев подумал: а не ошибся ли этот человек дверью? Тут рядом, на этаже, располагалась еще одна контора, какое-то «Общество просветленного сознания», куда то и дело сновали всякие «просветленные» личности с мутным взором. Он уже хотел напрямую спросить об этом, но мужчина опередил его, словно угадав вопрос:

– Мне нужна ваша юридическая помощь. Так что я, кажется, не ошибся дверью.

Вадим вздохнул с облегчением. А затем еще раз – уже с некоторой тоской, поскольку стрелки старинных настенных часов с кукушкой подходили к цифре семь. Дело в том, что именно в это время в маленьком соседнем азербайджанском ресторанчике «Шеш-Беш» возле метро «Смоленская»

у него была назначена встреча с девушкой, которую он в глубине души начинал с приятным испугом считать своей «второй половиной». Да так оно, в сущности, и было, оставались лишь кое-какие формальности.

– А знаете что? – предложил вдруг молодой юрист, найдя неожиданное решение. – Мы все равно сейчас закрываем. Так вот, не продолжить ли нам нашу приятную беседу тут за углом, в кофейне?

– Пожалуй, – кивнул мужчина, словно это было само собой разумеющимся, и он даже ждал этого приглашения.

А из древних рябцевских часов в этот момент как раз и выскочила на пружинке кукушка, напомнив о времени, а может быть, до кучи, и о земных сроках. Задерживаться в кабинете больше не стали. Вышли на воздух и последовали по назначению. Причем за ними тотчас же двинулась и крепкая фигура в черном костюме, отделившись от газетного киоска. Шла шагах в трех, как привязанная. Вроде дождавшейся хозяина преданной собаки.

– Мой телохранитель, – виновато пояснил мужчина, отвечая на недоуменный взгляд юриста. – Пришлось, знаете ли, нанять по сугубо семейным обстоятельствам. Да вы не обращайтесь внимания.

– Мне все равно. Главное, чтобы не кусался.

Через четыре минуты они уже входили в полутемный зальчик, где веяло желанной прохладой, а за одним из боковых столиков скучала за фруктовым коктейлем рассержен-

ная эффектная брюнетка с признаками фотомодели. Вадим направил свои стопы прямо к ней, увлекая за собой и негаданного спутника.

– Зря вообще пришел, – капризно заметила девушка. – Я уже уходить собиралась. Целую вечность жду.

На нотариального клиента она даже не обратила внимания, словно его и не было. Так, какая-то постаревшая тень Вадима.

– Но мы же в семь договаривались, – возразил потенциальный жених.

– А сейчас скока?

– А семи еще нет, – соврал Вадим, поскольку никакого другого объяснения ему не влезло в голову.

– А вот я сейчас встану и уйду, – продолжила гнуть свое жгучая брюнетка. Вот так и начинают складываться счастливые семьи, прямо по Толстому. А потом под поезд бросаются.

– А хватит вам языком трепать, – грубовато вставил клиент, будто рефери на ринге. И уселся за стол, пододвинув к себе меню и углубившись в карту вин.

Вадиму также ничего другого не оставалось, как присоединиться к ним третьим. Но теперь уже невеста переключила все свое внимание на этот посторонний предмет в мужском костюме, вторгшийся за ее столик. После пристального изучения, она лаконично спросила:

– Это – что?

Вадим отчего-то сам с любопытством уставился на своего клиента и совсем уж непонятно почему вновь солгал:

– Это – так. Родственник.

– Я думала, у нас будет серьезный разговор. О нашем будущем. Без посторонних... родственников.

Обиженная невеста сделала попытку встать. Но лишь перекинула одну стройную ножку на другую. Однако градус накала не сбавляла. Это было видно по ее нахмуренным бровкам. А у столика уже услужливо стояли две официантки в национальных одеждах и терпеливо ждали, когда закончится спор хозяйствующих субъектов. Обстановка разрядилась не без помощи клиента.

– Вы, милая, допустили две лингвофилософские ошибки, – обратился он к ней. – Если, допустим, можно ждать «целую вечность», то кто-то в этой гипотетической очереди, когда надоест, захочет ограничиться ее половинкой или четвертью. Это как попросить отрезать от головки сыра грамм триста. Вечность неделима на время. И нельзя при этом вести какие-либо серьезные разговоры о будущем, поскольку оно и есть вечность и это все равно, что ловить пустоту сачком. Ни черта не поймашь. А вот то, что все мы генетические митохондриальные родственники – чистая правда. Я в этом совсем недавно убедился, на собственном опыте, в Юрьевце, – и странный мужчина при этом выразительно посмотрел на них.

После сей маловразумительной речи, которая, тем не ме-

нее, пришлось почему-то задиристой невесте по душе, официантки стали принимать заказ. Кормили здесь всегда вкусно и не слишком дорого. Принесли различные салаты, пирожки, блинчики, зелень, фрукты, а потом еще рыбу и мясо, а также пару кувшинчиков вина. За ужином говорил в основном загадочный клиент. Его «жужжанию» никто не мешал, поскольку юрист и модель обладали отменным аппетитом, а с набитым ртом что возразишь и как поспоришь? Лишь раз только девушка улучила момент, толкнула Вадима в бок и тихонько спросила:

– Как зовут эту балаболку?

– Хрен знает, – отозвался сотрапезник, запивая красным вином шашлык из осетрины. На том временно и успокоились, продолжая слушать и кушать. Мужчина же лишь ковырял вилкой в тарелке, но забывал доносить до рта, который не закрывался по другой причине. Был полон слов.

– Вот сказал я вначале, что все мы одна родня, а теперь поясню. В ДНК каждого мужчины, а именно в Y-хромосоме, имеются определенные участки, в которых постепенно, раз в несколько поколений, раз за разом в нуклеотидах накапливаются мутации... Y-хромосома – единственная из всех 46 хромосом, точнее, из 23-х, несущих сперматозоид, извините, девушка...

– Да ничего, я уже знаю, что это такое. Взрослая девушка.

– ...которая передается от отца к сыну, и далее к каждому очередному сыну по цепочке времен длиной в десятки тысяч

лет. Сын получает Y-хромосому от отца точно такую же, какую тот получил от своего отца, плюс новые мутации, если таковые произошли при передаче от отца к сыну.

– Вы закусывайте, а то пьете все, – прервал его Вадим.

– Благодарствуйте, сыт. Возьмем, к примеру, славян. Славянские языки, по данным лингвистов, разошлись примерно тысяча триста лет назад. Но генеалогически славяне – русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи, словаки, сербы, хорваты, боснийцы, македонцы и другие, – принадлежат к различным родам. И история этих родов совершенно разная. Поэтому западные и восточные славяне как «этнокультурные сообщества» – это несколько разные понятия. Одни в массе католики, другие – православные. Язык заметно различается. А в рамках ДНК-генеалогии – это одно и то же, один род, одна и та же метка в Y-хромосоме, одна и та же история миграций, один и тот же общий предок. Одна и та же предковая гаплогруппа, наконец.

– Хоть салат с крабами попробуйте, – участливо сказала невеста.

– Потом, потом, – он словно спешил куда-то. Может, хотел выговориться? – В языкознании «славяне» – это одно, в этнографии – другое, а в ДНК-генеалогии – третье. Но гаплогруппа, род образовался тогда, когда ни наций, ни языков еще не было, ничего не было, кроме... – Мужчина хотел подобрать какой-то яркий образ, но лишь покрутил пальцем в воздухе, а потом просто махнул рукой и закончил свою

мысль: – Поэтому принадлежность к своей гаплогруппе – первична. Как первична не материя, а Слово. Да, Слово было, а языков еще нет. И каждый из нас носит определенную метку в ДНК. И эта метка в мужском потомстве неистребима. Она может быть истреблена только вместе с самим потомством. Целенаправленно, если хотите.

– Никто этого здесь не хочет, – успокоил его Вадим.

– Да? Ладно. Но эта метка вовсе не означает, что она – показатель некой «породы» человека. Она не связана с генами и не имеет к ним никакого отношения. А именно гены могут быть при желании связаны с «породой». Гаплогруппы же и гаплотипы никак не определяют форму черепа или носа, цвет волос или глаз, физические или умственные характеристики человека. Но они навсегда привязывают носителя гаплотипа к определенному человеческому роду, вначале которого был его патриарх. Потомство его выжило и живет в наши дни, в отличие от миллионов других оборвавшихся генеалогических линий.

– Жалко птичек! – вздохнула девушка. На что мужчина ответил:

– Жалость – понятие относительное, как и неизбежность. Какую бы религию ни поменяли потомки в ходе тысячелетий, какой бы язык ни приобрели, какие бы культурно-этнические характеристики ни изменили, точно та же гаплогруппа, такой же гаплотип, разве что с несколькими мутациями, упрямо появляются в потомках. Достаточно протек-

стировать определенные фрагменты этой Y-хромосомы. И тут уж неважно, мусульманин ли ты, христианин, иудей, буддист, атеист или язычник.

Ковырнув вилкой шашлык, но забыв отправить его в рот, мужчина добавил:

– С научной точки зрения все мы имеем один и тот же цветовой пигмент кожи: это меланин. И он темно-коричневый. Так что все мы в этом смысле одинаковые, нравится вам это или нет. Но если у человека меланина нет вообще, как у альбиносов, которые унаследовали мутационный дефект, то у него цвет кожи бледный или розоватый. Кожа европейца производит небольшое количество меланина, а негра – повышенное, вот и вся разница. И, кроме того, среда обитания играет также важную роль. Мы ведь не рождаемся на свет с генетически запрограммированным количеством меланина. Напротив. У нас имеется генетическая способность производить необходимый меланин в разном климате. Родись вы, девушка, скажем, на юге Африки – были бы мулаткой.

– Спасибо, не надо, – ответила невеста.

– А что, мне Наоми по нраву, – возразил Вадим.

– Вот и женись на ней!

– Да уже поженихался кто-то, из русских. Опоздал.

– Тогда другую поищи. В дешевом борделе.

– Почему в дешевом-то? Я уж в таком случае в бизнес-класс пойду.

– Катись.

Мужчина с интересом наблюдал за их перепалкой и улыбался. Потом остановил загорающуюся ссору словами:

– Разрез глаз также у всех одинаковый. Что у китайца, что у русского. Разница лишь в том, какое количество жира собрано вокруг глаз. Просто у азиатских народов его больше, чем у европейских. А так-то все люди на нашей планете произошли от одной матери. От так называемой митохондрической Евы. Такой вывод сделали биологи и генетики, проследив историю и развитие ДНК современного человека. А Адам и Ева, скорее всего, были смуглолицыми, с темными волосами и карими глазами. Но Господь Бог создал человека по Своему образу и подобию, надо об этом никогда не забывать. И мы все с вами произошли от одной крови, как сказано в Библии, и потому одинаково равны и ценны в глазах нашего Небесного Отца.

– Вы генетик? – с любопытством спросил Вадим. – Монах Мендель, часом, не ваш родственник будет? Но ситуация примерно ясна. Давайте переходить к сути, – он надеялся, что сейчас-то клиент заговорит о деле, но тот воспринял его слова по-своему.

– Хорошо, – кивнул мужчина. – Суть такова. Гаплотипы чрезвычайно чувствительны к происхождению, если говорить о генеалогических родах. Дерево гаплотипов – это перевернутая пирамида. Вершина внизу – это гаплотип общего предка рода. Основание пирамиды, на самом верху – это мы, современники, это наши гаплотипы.

– Голова кругом, – пожаловалась невеста.

– Не налегай больше на вино, – заботливо посоветовал жених. И тихо добавил: – Или заткни уши.

Ужин всегда хорош, когда сопровождается приятной музыкой или легкой беседой, а тут было и первое и второе. Хотя «второе» оказалось слегка тяжеловато для «пищеварения». В глубине зала играла зурна, между столиками танцующей походкой сновали официантки, а легкое вино действительно кружило голову.

– Россия – страна чудес, – взял другую «ноту» клиент. – Не какая-нибудь там унылая Европа, у нас что ни новый век – так очередное веселье, а то и по два сразу на одно столетие. Да и начиналось-то как, еще в языческие времена? Вот возьмем, скажем, такую поразительную былинку о Святогоре.

– Возьмем, – притворно согласилась девушка и, потянувшись, взяла со стола горку миндальных орехов, поделившись ими с Вадимом.

– Едут, стало быть, богатырь Святогор со своим другом Ильей по широкому полю. Куда едут – сами не знают. Это, заметьте, одна из самых примечательных черт русского характера. Немец бы непременно по делу шел, хоть за кружкой бира, француз – к чужой жене. А эти просто так, дурью маются. Про Илью Муромца мы более-менее знаем, русский святой, мощи его покоятся в Киево-Печерской Лавре. Но кто такой Святогор? Какой древний народ и какое государство он представлял? Объясняю. Я специально изучал этот во-

прос. Можно предположить, что, во-первых, этот народ много старше славян, раз Илья Муромец находился при нем на положении младшего брата. А во-вторых, речь все же идет о родственниках славянам народах.

– Венеты? – вспомнил свое университетское образование Вадим.

– Ваны, – поправил мужчина. – А венеты это и есть славяне. Ванское же царство – самоназвание Урарту. Иначе говорят – неситы. А неситы – это уже те же хетты. Их держава располагалась рядом с Араратом, громила Ассирию и Египет. Так-то вот. А Святогор с Ильей Муромцем, я проследил их маршрут с лупой, ехали все-таки не просто так, а двигались от Арарата точно на юг, в район восточного побережья Средиземного моря, к горе Елеонской. Но надо все же сказать, что древняя география была совершенно отлична от современной, привычной нам. Она непременно включала в себя кроме реальной топонимики еще и умозрительные, то есть воображаемые ориентиры. Так что тут сам черт ногу сломит.

– Что вы имеете в виду под этими «воображаемыми ориентирами»? – спросил Вадим, все же радуясь внутри, что привел к невесте столь умного собеседника. Глядишь, и сама наберется чего-нибудь. Позже он глубоко пожалеет об этом. Уж лучше бы оставалась такой, *infant terrible*. Ужасное дитя времени.

– Мистические Центры Мира, – коротко ответил мужчи-

на. – Это гора Меру, страна Агарты, Гиперборея, Шамбала, которая помещалась то на Север, то на Восток, в зависимости от политической конъюнктуры. Есть и другие Центры Х, как я их называю. Тем не менее, современный исследователь, опираясь на достижения предшественников, может попытаться отделить реальные географические представления древних народов от фантастических.

– О, фэнтези я люблю, – воскликнула невеста. – Гарри Поттер такой лапочка!

Вадим покраснел, а клиент продолжил, не обратив на слова красавицы ни малейшего внимания:

– Но гора Елеонская вполне реальна, и именно туда совершали свои походы хетты. Там, еще в тринадцатом тысячелетии до нашей эры, состоялась решающая битва при Кадеше между хеттами и египтянами. Иерусалима в то время еще не существовало. На горе Сион стояла только крепость Иевус ханаанского племени иеусеев. Это племя позже покорил царь Давид, после чего и заложил Иерусалим. Но былинный Святогор находит свою смерть как раз на Святой земле, у подножия будущего города трех религий, еще одного Центра Мира, куда и стремился вместе с Ильей Муромцем. А как это произошло?

– Да, как? – спросила жгучая брюнетка, прекратив вкушать мидий.

– Святогор, наш дальний генетический предок, всю жизнь маявшийся от своей бесполезной силы, запертой в горах,

вдруг встречает Илью. И тотчас же вызывает его на поединок. Ну, причуда у него такая была: со всеми драться. Однако это нисколько не свидетельствует о его враждебности. Скорее, Святогор только русских богатырей считал равными себе. Выслушав учтивую и уважительную речь Ильи Муромца, он отказывается от поединка и предлагает: «А поездим-ко со мной да по Святым горам». И они отправляются к будущему Иерусалиму, «прискакали на гору Елеонскую». Эта гора маслин, Масличная, расположена к востоку от Иерусалима, и отделена от города Кедронской долиной. Она играла важную роль в священной истории, описанной еще в Библии. Здесь Иисус Христос молился о чаше в Гефсиманском саду. Для нас же важно, что в сознании обоих былинных богатырей два места библейской истории – Арарат и Елеонская гора – сливаются воедино. Тут я сделаю одно лирическое отступление.

– Может, не надо? – попросила невеста. – Лирику не люблю. Факты давай.

– Можно и факты. Итак, Муромец, как мы знаем, сидел сиднем тридцать три года, пока его калики перехожие с печи не подняли. Еще одна, кстати, образцовая русская черта характера. А невеста Святогора лежала «во гноище» тридцать лет. И вот оба они получают чудесное исцеление.

– Как же невеста-то поправилась? Не с помощью ли Геннадия Малахова? – полюбопытствовал Вадим, мельком взглянув на свою суженую.

– Это целая поэма, – охотно пояснил мужчина. – Святогор, следуя тексту былин, поехал в какую-то свою служебную командировку в Северные горы. Там стояла кузня некоего чудесного кузнеца, кующего человеческую судьбу. Можно предположить, что это Кавказский хребет, который по отношению к Армении и Анатолии действительно расположен на севере. Тем более что Кавказ в то время был важнейшим центром металлургии. И кузнец объявляет Святогору, дескать, «твоя невеста в царстве Поморском, в престольном городе тридцать лет лежит в гноище». Поморье – север России. И Святогор, чтобы избежать несчастливой судьбы, не будь дураком – кому ж охота такую невесту в жены брать? – решает ее найти и убить.

– О, как! Какое мудрое решение проблемы, – восхитился Вадим, и вновь посмотрел на свою невесту, даже многозначительно подмигнул ей, а та лишь недовольно фыркнула.

– Найдя девицу, – продолжил оратор, – Святогор бьет ее ножом в грудь, и откупается от убийства, оставив на столе пятьсот рублей. Мало это или много, – вопрос инфляции. Сейчас не об этом. Но невеста не погибает от удара. Наоборот, после ухода Святогора с ней происходит чудесное исцеление: с кожи спадает короста. А на оставленные богатырем деньги –годились все ж! – она начинает большую морскую торговлю, быстро богатеет, строит флот и по Синему морю едет в «город великий на Святых горах», где воссоединяется во всей своей красе, славе и богатстве со своим же-

нихом – Святогором.

– Деньги решают все, – задумчиво произнесла модель. – Есть деньги – будет тебе и флот и любовь, нет их – ни счастья, ни даже утлой семейной лодочки.

– Смысл этого сказания довольно прост, – поправил ее мужчина. – С исторической точки зрения был заключен союз между двумя древними государствами или народами. При этом одно из них, по былинам – более молодое, это Русь. Которая находится в плачевном состоянии и нуждается в военной помощи, то есть в силе Святогора, и экономической поддержке – его пятистах рублях. А Поморское царство, возможно, это легендарная Троя – Иллион. До нас дошли сведения о заключении союзного договора между Иллионом и Хаттусой – столицей Хеттского государства. Но тогда не является ли упоминание о тридцатилетней болезни невесты Святогора иносказанием о многолетней осаде Трои? А ведь в таком случае выходит, что и Илья Муромец принимал участие в битвах против ахейцев-греков. И Русь существовала задолго до того, как принято считать.

– Намекаете, что Троя – славянский город? – спросил Вадим.

– Не только намекаю, а утверждаю это. А откуда же взялись в Италии этруски, то есть русские, еще задолго до древних римлян? Да все оттуда же, из поверженной Трои. Вспомните «Слово о полку Игореве»: «О Боян, соловей старого времени! Как бы ты эти полки воспел, скача славою по мыс-

лену древу, летая умом под облаками, свивая славы обе по-
лы сего времени, рыща в след Трояни, через поля да горы?»
Или там же: «Были века Трояни, минули годы Ярослава, бы-
ли походы Олеговы, Олега Святославича». И еще: «На седь-
мом веке Трояни бросил Всеслав жребий о девице себе ми-
лой». Таких упоминаний имени Трои в «Слове» достаточно.

Помолчав немного, знаток древности продолжил:

– Из истории нам всем известно, что трояне назывались
сперва пеласгами, потом – фракийцами, затем – тевкрами,
после этого – дарданами и, наконец, обрели имя своего го-
рода и страны. А в результате падения Трои стали называть-
ся уже пергамлянами и кемейнами, поскольку Кемь и Пер-
гам построил Эней с остатками троянцев, избежавших ги-
бели в Иллионе. Но у фракийцев, равно как и у пеласгов,
мы встречаем множество племенных названий чисто славян-
ских, между которых, по Геродоту, есть руссы и русины. Са-
мо слово «пеласги», как отмечал еще Ключевский, означа-
ет «перелетный аист», что вообще свойственно славянской
душе, характеру, все время меняющему образ жизни, пере-
бирающемуся с места на место, ищущему лучшей доли. А,
кроме того, фракийцы носили чубы, как малороссияне.

– А вот это надо держать в строжайшем секрете, – пре-
дупредил Вадим, даже с подозрением оглянулся. – Хохлы
услышат – беды не оберешься, все под себя перепишут. А
не перепишут, так обкусают и выплюнут, потом съесть будет
невозможно.

Услышали ли их чудом сохранившиеся в «Шеш-Беше» малороссияне, неизвестно, но к столику вдруг подошел лысоватый, сублильного сложения человек среднего возраста и, наклонившись к клиенту, что-то зашептал на ухо. Тайную информацию передавал минуты три. Потом так же незаметно исчез.

– Еще один телохранитель? – поинтересовался Вадим.

– Нет. Частный детектив. Ситуация обязывает.

– И тоже в связи с семейными обстоятельствами?

– Примерно так. Да я вам потом все объясню. А что касается истории, то ее надо не переписывать, а снимать нанесенную на нее идеологическую пленку пласт за пластом... Глубина народной памяти просто поразительна, – подытожил мужчина. – Расшифровка древнерусского фольклора уводит нас в глубину тысячелетий, во времена неолита. Во всяком случае, сказочный сюжет смертельного боя между тем же Муромцем и чудовищем на «калиновом мосту» можно интерпретировать как отголосок охоты наших предков за мамонтом. Где-то в тундре. Ягель ведь схож с калиной.

– Вы фольклорист, филолог? – спросил Вадим.

– Он просто душа, – ласково ответила невеста. Настроение у нее менялось довольно часто. Особенно после выпитого.

– Я на данный момент всего лишь ваше досадное недоразумение, хотя еще и не кошмар, – произнес загадочный клиент. – Но поверьте, скоро им стану, потом исчезну, а вы еще

об этом глубоко пожалеете.

А вот это уже прозвучало как-то несъедобно. Неудобоваримо даже. Молодые люди встревоженно переглянулись. А странный человек, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Однако фольклор передает нам не только хронологическую, но и географическую память об исторических событиях. Русские былины зафиксировали знакомство древних русичей не только с соседями – Ордой, Литвой, Турцией, но и с Каспием, это «Хвалынское море и Сокол-корабль», Иерусалимом, о чем я уже вам пропел, Италией – «Земля Тальянская», Арабским Востоком – «Сарацинская земля». Чем древнее былинный сюжет, тем более отдаленный пласт исторической географии он нам открывает. Например, Илья Муромец борется то с печенегами и половцами, то вообще отправляется истреблять Идолище Поганое в Константинополь. А вот сюжет о богатыре-нахвальщике истолковывается как воспоминание о столкновении с Хазарским каганатом: «Земля Жидовская и богатырь Жидовин». А сказка о Царь-девице – как рассказ о борьбе с сарматами: «Девичье царство, Подсолнечное царство».

– Возникает вопрос... – решил перебить его Вадим, надеясь развернуть мысль собеседника к делу: какого хрена ему вообще надо от нотариальной конторы «Рябцева и сын»? Завещание-то на кого составлять? На Илью Муромца, что ли? Или на Святогора? Но мужчина не дал ему договорить.

– Да, вопрос действительно возникает, – в охотку подхва-

тил он. – Насколько глубоко простирается географическая память древнерусской фольклорной традиции? И насколько точно мы можем определить историко-географические реалии по дошедшим до нас поэтическим описаниям? А я вам отвечу. Народный эпос, былины, легенды, предания, плачи, сказки – содержат в себе зашифрованную информацию о событиях далекого прошлого. Надо только уметь правильно расшифровывать эти поэтические образы, суметь понять их смыслы, коды и значения. И все это, конечно же, между прочим, есть еще и в Библии.

– Ну как же без Библии-то, – вяло согласился юрист. Не дай Бог еще и в ней увязнет. Авраам родил Иакова и так далее. Нет, клиент двинулся в другую сторону, в Индию:

– Славянская фольклорная поэзия сопоставима с самыми архаичными формами греческого стиха. Из которых вышел и гекзаметр, и ритмика древнейших гимнов «Ригведы». Так что все связано, повязано и перевязано. Вот, к примеру, былина о Волхе Всеславиче. О завоевании царства Индийского. Главный герой, родившийся от колдовства, «волхования», слывший оборотнем, собирает дружину и выступает в поход против угрожавшего Руси Индийского царства.

– Вампир, что ли? – с надеждой спросила девушка, ожидая, что ей под вечер расскажут хорошую голливудскую сказку.

– Почти. Сразу бросается в глаза, что врагом Руси поименована не Орда, не Литва, а далекая Индия. Это может ука-

зывать на то, что данный сюжет дошел до нас в наименее искаженном виде, и описывает переселение арийских племен в Арьявату, страну ариев – центральную часть Северной Индии, еще за две тысячи лет до нашей эры. Поход прошел успешно, и Волх Всеславич с дружиной поселяются в Индийском царстве после истребления всего местного населения. Короче, перебили всех дравидов и заняли их место.

– Как все-таки в прошлом, во время великого переселения народов, мир был жесток, – огорченно произнес Вадим.

– А сейчас добрее, что ли? – резонно заметила невеста. – И теперь «переселение» идет, не знаешь разве? Только гастарбайтеров. Скоро они со своими дружинами в час X и нас всех истребят. Жди. В своей нотариальной конторе.

– Следует, однако, заметить, – продолжил мужчина, – что зафиксирован и второй вариант того же былинного сюжета, в котором главный герой называется не Волхом, а Вольгой, и Индийское царство заменено на Турецкую землю. Но это является примером того, как древний сюжет привязывается к новому врагу и к новым историческим реалиям. Хотя в самом тексте былины о Вольге и «царе Турец-сантале» встречается анахронизм: главному герою вместе с царем-турком противостоит царица Панталовна, а это имя ассоциируется не с Турцией, а с династией Пандавов в Индии. И вот что особенно любопытно. В походе Волх-Вольга Всеславич, пользуясь своими способностями оборотня, обувает-одевает, кормит дружину, ведет разведку против Индийского цар-

ства и побеждает индийского царя. В этом случае он напоминает другого древнего героя – греческого бога Диониса.

– Дионис-то тут при чем? – устало спросил Вадим, уже начиная глубоко сожалеть о том, что приволок сюда этого клиента-параноика.

– Ну как же! Он ведь по преданиям тоже совершил поход в Индию с войском вакханок, и чудесным образом кормил их в пути. Однако при этом необходимо отметить, что славянский Волх гораздо древнее, архаичнее Диониса. Это, скажу честно, приятно осознавать. Диониса можно считать древним культовым героем первобытных земледельцев, ставшим божеством урожая. А Волх Всеславич, наш «сукин сын» – это образ бога охоты и рыболовства. Он не просто оборачивается зверем и птицею, но и избивает животных на прокорм дружине, так что «и волку и медведю спуску нет».

– Дионис бы так не поступил, – в сердцах бросил юрист.

– Потому и пил только. С лозы виноградной. А Волх, чтобы захватить Индийское царство врасплох, превращает свою дружину в муравьев. Этот образ поддается такому истолкованию: войска ариев, вторгшиеся в Индию, были бесчисленны, как муравьи. А преодолев неприступную каменную стену, которая может быть представлена как образ Гималайского хребта, муравьи снова превращаются в людей. Войско Волха Всеславича истребляет все население страны, оставив для себя только семь тысяч красных девиц.

– Это разумно, – согласилась девушка. – И даже в какой-то

степени благородно.

– Но так же вели себя в исторической реальности и переселенцы арии, частично истребив, частично ассимилировав местное дравидское население Северного Индостана. Белая индусская раса в настоящее время насчитывает около ста миллионов человек из более чем полумиллиардного населения Индии. Откуда они там взялись? Белые индусы – это восточные иафетиты, то есть протославяне. Те самые загадочные арии. А Веды можно назвать арийской «Библией».

– Вы пейте, пейте, – посоветовал Вадим, подливая ему вина, втайне надеясь, что клиент опьянеет, «нажрется и засохнет». Но так ведь не бывает: если куст жимолости поливать, то он расцветает еще более пышным цветом. Вот и тут. Зловредный «куст», изрядно глотнув, воодушевился еще больше:

– Еще один былинный сюжет – о Михайле Потоке. Страна царя Вахрамея Вахрамеича, куда отправляется богатырь Михайло с дипломатическим поручением, находится у «корбы темной, грязи черной». Он едет вроде бы просто поиграть в шахматы – «тавлеи золотые». Но это является довольно прозрачным образом дипломатической игры, хотя в данном случае ставка здесь – голова главного героя. А где эта страна лежит?

– И где? – заинтересованно спросила брюнетка.

– Корба – это ложбина, поросшая дремучим лесом, а грязь – это болото. Так что царство Вахрамея расположено где-то

между пересеченной лесистой местностью и болотом. Правда, есть еще одно указание, позволяющее привязать рассматриваемый сюжет к реальной истории. Миша по кличке Поток идет вслед за умершей женой Марьей Лебедью Белой в подземное царство, бьется там с гадкой змеей и воскрешает Марью. А «в благодарность» та пытается известить супруга. Каково?

– Вот ведь ведьма! Да что ж они все такие злодеи и злодейки? – расстроилась девушка и даже платочек достала. Но вытерла не глаза, а губы. Поскольку ела мороженное.

– Время было такое. Впрочем, как и сейчас. Но корни данного сюжета можно отнести к временам борьбы праславян со скифами и сарматами, где «брачный союз» славян со степью таит в себе опасность гибели – поглощения главного героя. Вот вам и ответ. Только геополитика, ничего личного.

– Вам бы книжки писать да кино снимать, – сказала невеста. – А я бы у вас в главной роли снялась. Лебедь Белую или эту... которая флотом разжилась.

– Договорились, – кивнул мужчина. – Но я книжек уже и так немало насочинял. Что же касается сармат, то они жили первоначально в Поволжье и Южном Приуралье, но потом переселились в степи Причерноморья, вытеснив оттуда родственных им скифов. Это позволило им не только подчинить окрестные скотоводческие племена, но и богатое Боспорское царство, основанное греческими колонистами за пятьсот лет до нашей эры на берегах Керченского пролива – Босфора

Киммерийского. А после прихода сарматов Боспорское царство превращается в Греко-Сарматское государство.

– И таким образом... – начал Вадим, все еще надеясь перевести разговор в другое русло – юридическое, но попытка вновь сорвалась.

– И таким образом, Михайла Поток едет поиграть в «тавлеи золотые» к царю Вахрамею именно туда, в боспорский Пантикапей или в Танаис. Тогда «грязь черная» и «корбы темная» получают свое истинное истолкование. Боспорское царство занимало территорию Керченского полуострова, Таманского полуострова, низовья реки Кубань, восточное Приазовье и устье реки Дон. Но в древности на месте современного Азовского моря существовало гигантское болото, названное греками Меотидскими топями. В настоящее время от него остался лишь Сиваш, Гнилое море. Во времена Боспорского царства участки открытой воды, пробитые течением Кубани и Дона, чередовались с заросшими камышом болотами. Это и есть «грязи черные», а под «корбами темными» подразумевались заросшие лесом лощины Керченского полуострова.

– А сучка эта что ж? – спросила невеста. Ей сказки гостя нравились. Она вообще таких людей впервые видела. А то все эти да эти. Мажоры, одним словом. Безъязыкие, но рукастые и карманистые.

– Сейчас доложу. Будущая жена Михайлы – Марья Лебедь Белая – тоже оборотень, и, обернувшись птицей, летает «по

тихим заводям, а по tým зеленым по затресьям». Это соответствует описанию в древнегреческих «периплах» – лоциях для мореплавателей – западной оконечности Таманского полуострова. Тогда на его месте существовали отдельные острова – Киммерия, Фанагория, Синдика. Они были отделены от материка дельтой Гипаниса – современной Кубани, которая впадала в древности не только в Азовское, но и в Черное море... Надо бы нам еще винца заказать, как вы думаете? – добавил он без всякого перехода. – Хорошо идет.

– Идет – догоним, – подал официанткам знак рукой Вадим и утвердительно произнес: – Вы – историк.

– Вы еще даже не догадываетесь, кто я, – туманно отозвался мужчина.

Тут девушка напомнила:

– А как же смерть?

– Какая смерть?

– Да Святогора же.

– Ах, да. Это ведь тоже, если не поэма, так метафизический философический трактат в духе Гегеля или Спинозы. Хотя нет. Те слишком скучны, а тут опять же мегатрагический катарсис в жанре верлибра. Итак, прибыли они, Святогор с Ильей, конным ходом, на гору Елеонскую. Где их поджидала судьба. Рок.

И мужчина на память процитировал:

– «Стоит тута дубовый гроб; как богатыри с коней спустились они ко гробу этому да наклонились». Продолжение

известно. Вот смотрите: француз всякий, немец ли, гей-голландец, мимо бы прошмыгнули, от греха подальше, а эти остановились и разглядывают. Что да почему, какой такой гроб, зачем тут? Есть во всем этом некий сакрально-мистический умысел. Загадка. Богатырям надо непременно руками гроб ощупать, заглянуть вглубь. Дальше – больше. Сначала Илья в гроб ложится – маловат. Или великоват, не важно, главное – не подходит по размеру. Затем сей деревянный макинтош примеряет на себя Святогор. Ага! В самый раз, сшит как по заказу, у лучших портных с Брайтон-Бич. Но и этого ему мало, он еще и крышку гроба на себя натягивает. Короче, затворяется напрочь. И все.

– Все? – с огорчением спросила невеста.

– Ну, почти все, – усмехнулся клиент, положив в рот темную виноградинку. – Святогор из мира видимого исчезает, а его чудесная сила передается Илье. А в его образе и всей Руси, России. Как писал апостол Павел к Галатам: «Я умер для закона – фарисейского – чтобы жить для Бога». Но тут мы уже подходим к иным, более горним материям. Не за пахлавой же, право, толковать об этом. Добавлю лишь, что, по словам еще одного святого, Макария Великого, когда слышишь о гробах – представляй мысленно не только их видимость. А почему? Да потому что и они, и могила для тебя – твое сердце...

– Как это понимать? – спросил Вадим.

– А понимай, как хочешь! – отмахнулся рассказчик. – Я и

сам еще толком этого не понимаю. Время, может быть, еще не пришло. Но мне важно во всей этой давней истории другое: какого черта, в конце концов, он добровольно полез в гроб? А ведь только русский человек на подобное и способен, не так ли? Вот вы, девушка, полезли бы?

– Дудки! – бросила та. А потом, подумав немного, добавила: – Хотя, если для рекламы погребальных аксессуаров, если в цене сойдемся, почему бы и нет? У меня такой фотосессии еще не было.

– Ее Марина зовут, – сообщил Вадим. – И она не русская, а карелка.

– Да какая разница, это не имеет значения, – отозвался мужчина. – Главное не кровь, а почва, земля, ее дух с душою. Которыми мы пропитаны. Здесь, в России, за десять лет жизни и Халли Берри русской станет. Если, конечно, полюбит ее. Побелеет даже.

– А вот вы-то все-таки – кто? Историк-географ? – поинтересовалась Марина. Как девушка с прагматичным складом ума, она, должно быть, хотела основательно «прошерстить» все окружение своего будущего мужа. Но тут к столику подплыли две дежурные азербайджаночки с игральными кубиками и предложили метнуть кости. Мужчина с удовольствием потряс деревянный стаканчик и бросил на поднос кости. Сразу выпало две шестерки.

– Вам полагается еще один кувшинчик вина за счет заведения, – поздравила одна из девушек.

– Вот и несите, – сказал Вадим и обратился к своему визави: – Как это вам удалось? Сколько раз здесь ужинал, играл – и никогда двух высших цифр не выбрасывал.

– Я профессионал, – скромно ответил клиент. И добавил: – Метать кости надо не рукой, а мозжечком и гипофизом, которые просто нужно в данный момент активировать. Ну, как ввести пин-код в банковскую карту.

– А какие сказки вы еще знаете? – спросила невеста. – Страсть как люблю слушать, на ночь глядя.

– И какие у вас вообще-то проблемы? – спросил юрист. – О деле-то мы так и не поговорили. Давайте начистоту. Марина не помешает.

– Да проблемы-то, может быть, не у меня, а у вас, – каким-то нехорошим голосом отозвался тот. Еще и сощурился. Неким холодком повеяло от его лица. Даже Марина зябко поежилась, хотя она порой была девушкой отчаянной и без тормозов. Вадим решил уточнить:

– Но ведь вам нужна моя юридическая помощь?

– Да, – последовал короткий ответ. И мужчина угрюмо замолчал, словно ему теперь вообще расхотелось разговаривать.

Тут как раз принесли обещанный кувшинчик вина, а заодно и ароматный кофе – было чем занять рот. Затем произошло нечто странное. Вадиму, отяжелевшему от вина и пищи, вдруг показалось, что из глубины зала к выходу идут, покачиваясь, три изогнутые и полупрозрачные фигуры – двое

мужчин и девушка. И хотя видел он их со спины и мельком, да еще и сквозь какую-то ватно-молочную пелену, но готов был отдать все что угодно на отсечение (впрочем, не все) – что эта уходящая тройца как две капли воды (точнее, три) походила на них самих, сидящих сейчас за столом. Будто двойники или некая отделившаяся от их тел субстанция.

Он вновь испытал какие-то нехорошие предчувствия, словно в скором времени ему, да и всем им, предстояло пережить нечто до такой степени невообразимое, великое и ужасное одновременно, что перевернет и в корне изменит всю их дальнейшую жизнь.

Вывел его из оцепенения голос Марины:

– Когда мама возвращается?

– Через неделю, – механически отозвался он.

Ужин подходил к концу. «Ну а теперь-то что? Когда же он перейдет к своему делу?» – подумалось Вадиму. Он все еще не в силах был отойти от странного потустороннего видения в ресторане.

– А дело у меня вот какого свойства, – сухо проговорил мужчина, словно отвечая на его мысль.

– Слушаю внимательно. Простите великодушно, но я там, в конторе, так и не разобрал толком, как вас величать? Любомир...

– Велемир Радомирович. Так вот. Я хочу, чтобы меня развели с моей погибшей тринадцать лет назад женой. Официально, в судебном порядке. И выдали бы гербовую бумагу.

С печатью.

Сказав это, вернее, даже чуть ли не потребовав обиженным тоном, мужчина откинулся на спинку стула и еще острее и пронзительнее сощурился. Ну, почти как Ульянов-Ленин, выбравшийся вдруг из Мавзолея и отправившийся с таким, не предвещающим ничего хорошего, взглядом в Кремль. На стрелку с Путиным. Тут только Вадим впервые сообразил, что имеет дело с обычным городским сумасшедшим, фриком. И это еще в лучшем случае.

– Мы такими услугами не занимаемся, – растерянно пробормотал он. – К тому же официальный факт смерти уже означает... состояние развода. Чего же боле? Ведь есть же у вас какая-то... «гербовая бумага» о ее кончине?

– Ну, есть.

– И достаточно.

– Нет, не достаточно. Я хочу еще, чтобы нас развели. В разные стороны.

Клиент вскинул голову и упрямо закусил верхнюю губу. Теперь он стал походить на Наполеона. Даже ладонь сунул за лацкан пиджака.

– Без ее присутствия сделать это невозможно, по крайней мере, весьма затруднительно, – только и нашел что сказать в ответ Вадим.

– А мне по фаллосу, – совсем уж грубовато отозвался Велемир Радомирович. Марине, как суперсовременной девушке, это понравилось.

– Да разведи ты их как-нибудь – и делу конец, – решительно вмешалась она. – Проблем-то! Договорись с каким-нибудь ЗАГСом, впервой, что ли? И не такое творят. Вон, всю страну на бабки разводят, а ты?

В этом она была права. Но одно дело – разводить народ с помощью, например, налогов на воздух, сливая доходы от углеводородов в свои карманы, и совсем иное – оформить развод живого мужчины с мертвой женщиной. Это уж совсем ни в какие ворота. Так и все другие чудить начнут. Скажем, станут требовать юридических прав на «мертвые души» покойных родственников. Для перепрописки их из гробов в дома. В целях уменьшения квартплаты.

– Надо подумать, – ответил тем не менее Вадим, случайно икнув и запивая свои слова красным вином. – Но вы должны рассказать мне все более подробно.

– А чем я, по-вашему, здесь занимаюсь? – насупился клиент. – Но история моя слишком сложна, чтобы понять ее вот так, сразу. Тут двух слов недостаточно.

– Вы говорите, говорите, – приободрила его Марина. – Время у нас есть. У нас вообще весь вечер свободный.

– Мы же в ночной клуб собирались? – напомнил Вадим.

– А мне по фаллосу, – повторила цитату невеста. – Здесь поинтересней будет. Когда еще ума набираться, если не сегодня?

– Вот как? Чего-то ты, подруга, перепила.

– Тормози, присяжный. Не ездь мне по мозгам.

– Дороги нехоженые, все равно ни пройти, ни проехать.

– Вот и отстань. Сутяга.

– Стоп! – остановил их загорающийся спор таинственный собеседник. И добавил: – Да, вы правы, время у вас еще есть. Но вы даже не догадываетесь, как мало его осталось.

Прозвучало это как-то апокалиптически. Словно напоминало о близком Страшном Суде. Молодые люди вновь встревоженно переглянулись. А Велемир Радомирович хладнокровно произнес:

– Однако пора и рассчитаться. Лучше отсюда уйти. Расплачиваться буду я.

Глава вторая. Три дня назад

Над ним склонилась то ли луна с белесыми глазами, то ли моргающая лампочка. «А лицо-то без абажура», – механически отметил он. Где-то не так уж и далеко натужно выла собака. Или волк. Потолок в грязных подтеках перестал покачиваться, «корабль» занял устойчивое положение. А из раскрытой двери дуло столь сильно, что даже ложечка в стакане на столе позвякивала.

– У вас нос в крови, – невесело произнесла молодая женщина и показала ему платок с темными пятнами. – Это, наверное, потому, что вы мордой об пол шмякнулись. Простите, лицом. Чего это с вами? И часто так?

– Не знаю, – ответил он и попытался встать.

– Лежите, лежите. Пол чистый. Еще не успели насвинячить. А я вам подушку под голову подложу.

– Не надо.

– А чего надо? Может, грелку? Впрочем, ее тут днем с огнем не сыщешь. Тем более, ночью... Странно, на эпилепсию не похоже. Я знаю. У меня брат эпилептик. Так вся морда была бы в пене. Опять же, извините, лицо. Привыкла я тут к мордам. Сердце?

– Валидол дайте, – сказал он, скосив глаза в сторону кровати, на которой, как ему показалось, лежал кто-то еще. – Там, в сумке.

Женщина отошла, порылась в его барахле, бормоча что-то себе под нос. Вернулась с валидолом, сунула таблетку ему в рот. И продолжала с любопытством разглядывать его.

– Ну, лучше?

– Сейчас. Пройдет.

– Врача не нужно?

– Обойдусь.

– А врача-то и нет. Как грелки. Это я так спросила. Из вежливости.

Мужчина с неудовольствием наморщил лоб. В сознании всплыло другое женское лицо, он все вспомнил. Лежать дальше на полу, пусть даже еще «нenasвиняченном», показалось ему глупо. Оценив расстояние до ближайшего стула, он решил встать. Конечно, удобнее было бы теперь улечься на кровать, но и в этом виделась какая-то недостойная для мужчины поза. Другое дело, если это была бы его жена. Но перед супругой он бы он и не ударился «мордой», как любит выражаться «эта», в пол. Кстати, кто она? Неважно. Оседлав шаткий стул, мужчина спросил:

– Ладно, как тебя зовут?

– Катя. А вас-то?

Он не ответил, продолжая размышлять. Даже прошептал вслух:

– А чего ты ждал?..

Но чего-то ждала и эта особа, стоя перед ним. Собако-волк за окном вновь принялся выть. Нудно и жалобно.

– Это Альма, – сказала наконец Катерина. – У нее на днях щенков утопили. А куда их, по-вашему, деть-то? Тут детей скоро топить станут.

Вновь не дождавшись никакого ответа, она задала другой вопрос, более существенный:

– Мне уйти?

– Оставайся, – не сразу отозвался мужчина. И повторил несколько иным тоном: – Да, останься. Я тебе, так или иначе, заплачу.

– Вот это хорошо, – обрадовалась она. – А то меня муж обратно домой не пустит.

– Ты замужем?

– А как же. Мы тут все замужем.

– А зачем же этим занимаешься?

– Вот потому что замужем.

Ответ прозвучал как-то непонятно, бестолково. Будто все тут сожительствовали друг с другом, и это было в порядке вещей. Тревожные мысли не покидали его, а в груди продолжало покалывать. Но уже медленно отпускало. Если бы только не вой этой несчастной Альмы на улице... И таинственно-серебристый свет луны, сочившийся как из перерезанного стебля алоэ.

«Город призраков, – подумалось ему. – Зря я сюда приехал».

– Кто – «все»? – хмуро спросил мужчина.

Женщина пожала плечами, будто вопрос был настолько

глуп, что и не заслуживал внимания. Ей было около тридцати лет. Лицо кругловатое, глаза и губы чуть припухшие. «Плачет, что ли, часто? Еще бы! С таким-то мужем и братом-эпилептиком!». Одета скромно, без провинциального шика, а в темных волосах есть уже седые нити. Лунного света. И что теперь с ней делать? Выгнать, как Альму?

– Водку будешь? – уж совсем грубо буркнул он.

– Буду, – коротко и кротко ответила она.

Мужчина налил себе чуть-чуть, а ей, в пластиковый стакан, побольше. «Голодная, наверное?» – подумал он, глядя на нехитрую снедь на столе.

– Угощайся.

Они выпили молча и не чокаясь, как на похоронах. Вот только где усопший? Уже на кладбище или еще в соседней комнате? И вообще – покойник или покойница?

Катерина закусывать не стала. «Значит, сытая, – снова подумалось ему. – Все они тут в провинции притворяются, будто жрать нечего! А поглядишь – каждый с избытком веса. Или пухнут, что ли, от голода?»

– А вы надолго к нам? – спросила женщина.

Ее вопрос остался без всякого резонанса. Мужчина снова налил, а после второй стопки стало как-то повеселее. Поспокойнее на душе. Даже слегка забылось найденное на столе послание, которое и привело его в ужас. Короче, на пол.

– Меня зовут Патермуфий, – важно соврал он. – Нет, Истукарий.

– Не может такого быть. Нет сейчас таких имен.

– Ладно, нет. А Велемир устроит?

– Ну, это еще куда ни шло.

– А ты не так проста, как кажешься. Расскажи о себе. Кто ты? Откуда? Где живешь? С кем, кроме этих эпилептиков? Дети есть?

Катя будто ждала подобных вопросов, поэтому тотчас же стала отвечать, как зубрилка на уроке:

– Живу здесь, тут же и родилась, рано осиротела, ребеночек у меня был, да помер, сама инвалид, работаю прачкой, а в огороде ничего не растет...

«Все врёт! – почему-то радостно подумалось ему. – Это у них у всех тут песни такие: «Играй гармонь» называется».

– Хватит, который час? – перебил он. – Что-то у меня стрелки остановились.

– А у меня и часов-то нету, сроду их не носила, – ответила она. – Мы время по солнцу да по звездам сверяем. Дело сейчас идет к полночи. Точнее, без десяти двенадцать.

– У тебя внутри биологические часы, что ли?

– У меня внутри много чего, – усмехнулась она. – Еще и телефон с телевизором, интернет только все никак не подведу. Дорого.

«Что ж, с чувством юмора у нее все в порядке», – отметил про себя мужчина. После третьей Катерина стала закусывать. А в коридоре гостиницы вдруг началась какая-то беготня, толкотня и повизгивание. Причем явно детского свойства.

– Черт! – произнес мужчина. – А это еще что такое? Уж полночь близится, Германа все нету, а дети притащили тятю мертвеца в сетях?

– Не обращайтесь внимания, тут всегда так, – осведомленно отозвалась женщина. – Это не тятя, а тетя одна из Самары, у нее штук пять ребятишек. Они по ночам беснуются, а днем дрыхнут. Бойкий народец. Сейчас и другие проснутся.

– Какие другие?

– Ну-у... Эти, из Иваново. Старик со старухой. Впрочем, они вообще никогда не спят. Все бродят и бродят, ищут чего-то, сами не знают чего. Будто кошелек потеряли или сами потерялись... И те – двое. Транзитные, из Чебоксар. Никак, сволочи, не уедут, всех уже достали своей пьянкой. Вторую неделю глушат. Во! Слышите?

До Велемира и в самом деле стал доноситься какой-то отдаленный песенный вой, на два голоса: один с горьким надрывом, другой – с бесшабашной удалью. Под этот стон-песню шла фонограмма щенячьей радости из коридора. А тут еще и Альма за окном подключилась к этому конкурсу «Минута славы».

– Да что тут у вас происходит? – спросил мужчина. – Раньше такого не припомню.

– А вы здесь и прежде бывали? – поинтересовалась Катя.

– Давно. С женой.

– А-а. Тогда понятно.

– Что «понятно»?

– Понятно, почему я вас не знаю. Я ведь с семейными парами не работаю, только по индивидуальным заявкам.

– Нет, это действительно черт-те что! – выдохнул посто-
ялец, откинувшись на спинку стула, отчего тот едва не рух-
нул. – Дурдом какой-то. «Индивидуальные заявки»! Куда я
вообще попал-то?

– В Юрьеvec, – усмехнулась женщина. – Сами приехали.
Добровольно. А зачем?

– По жене соскучился, – отозвался Велемир, впервые, на-
верное, отчетливо осознав, какой метафизический зов при-
вел его в этот городок на Волге. – По ее лицу, голосу. Язы-
ку, – добавил он, немного помолчав, и пошел к раковине,
наливать воды в чайник.

Но жидкости в кране, конечно, никакой не было. Из него
даже ржавой капли не выпало. В конце концов мужчина про-
сто от злости открутил вентиль и, не зная, куда его бросить,
сунул себе в карман.

– Забыла предупредить. Можно и не манипулировать, –
посочувствовала женщина. – Сегодня же пятница, тринадцатое,
всегда так.

– А в другие дни?

– И в другие тоже.

Тогда кой хрен – пятница или средовторник? Тринадцатое
или сорок седьмое?

Катерина не ответила, виновато пожав плечами, словно
это она накануне выпила всю воду.

– «Манипуляция» в переводе с латыни – это «пригоршня», – заметил Велемир, вынимая из сумки термос. – Мы все время ладонь в надежде тянем, а им, манипуляторам, только того и надо. Посмеиваются лишь. Пошли.

– Куда?

– К роднику вашему! Жажда. Ну и чаек поставим. А там подумаем, как дальше быть. И что делать.

Мужчина пропустил ее в коридор, запер дверь. Ключ был величиной с перезрелый огурец, да еще с железной култышкой на цепочке; все это весило не меньше килограмма. Должно быть, от древних ворот Юрьевца. Уже сделав несколько шагов по коридору, Велемир на всякий случай вернулся и толкнул дверь. Она открылась.

– Замок снаружи не запирается, – пояснила Катя. – Впрочем, изнутри тоже. Это все так, антураж. Да вы не бойтесь, у нас воровства нет.

– Идиотизм какой-то!.. – пробормотал мужчина. – Ключ-то тогда зачем?

– А как же иначе? Для порядка.

– Какой же «порядок», если это форменный кавардак?

– Целая пригоршня манипуляций и декораций, – охотно и даже как-то весело согласилась женщина.

– А если дети забегут и разобьют что-нибудь?

– Они только по коридору носятся.

Будто в подтверждение ее слов откуда-то с лестничного проема высыпала армада ребятишек – от пяти до десяти лет

– мальчишки ли, девочки – сразу и не поймешь. Растрепанные, полуодетые, кто в одном тапке, а кто сразу в трех, потому что лишняя зажата в кулачке и ее используют как мухобойку – по затылкам, с криками и визгом. Досталось мимоходом и Велемиру, а нечто с косичкой врезалось ему головой в живот. Катерина благоразумно прижалась к стенке. Весь этот смерч промчался в конец коридора, развернулся и с тем же шумом понесся обратно, падая, перекатываясь и тут же поднимаясь вновь на прыгучие ноги.

– Днем, говоришь, более спокойны? – полюбопытствовал мужчина, подбирая с пола выпавшего из торнадо железного солдатика. Положил его в карман, к вентилю и ключу. – А куда мамаша смотрит?

– Она мужа ждет. Он должен вот-вот приехать. Извелась вся.

– А нельзя ждать как-то потише?

– Может, можно. Просто она давно ждет. Дети совсем от рук отбились. Без отца-то.

– А где он?

– А кто ж знает.

– А почему она, черт возьми, здесь ждет, в гостинице, а не где-нибудь в другом месте, у себя дома, к примеру?

Велемир понимал, что разговор этот становится все более бессмысленным, поэтому даже не удивился ответу Катерины:

– А здесь велено.

Все его расспросы утыкались в какую-то стеклянную стенку. Или тонули в покрытом болотной ряской озере, как камешки. Оставались лишь круги на воде, да и те быстро исчезали. А тут еще, когда они шли по коридору, из «детского» номера открылась дверь, оттуда высунулась богатырского вида женщина в ночной рубашке, уставилась на Велемира и разочарованно произнесла:

– Нет, кажется, не он.

– Не он, – подтвердила Катерина.

– Значит, не пришел еще? Не видела?

– Нет. Я скажу когда.

Дверь с протяжным скрипом, словно издав горестный стон, затворилась. Они стали спускаться по лестнице.

– Откуда ты здесь все про всех знаешь? – задал вопрос Велемир, держась за перила и осторожно нащупывая ступени: лампочка светила так тускло, что лучше бы и не горела вовсе.

– А я живу тут, на заднем дворе, во флигеле.

– И давно? В смысле, где-нибудь еще бывала?

– Не помню.

– Как не помнишь?

– Да просто не хочу ничего такого помнить! – вырвалось у нее.

«Это уже кое-что, – подумал он. – Выходит, есть и у нее какой-то «скелет в шкафу». Прошрое. А то тут все как в томатной банке с бычками законсервировано».

В холле за стеклом, положив голову с кудряшками на ладони, спала администраторша. Они вышли на улицу. У входа в инвалидной коляске сидел мужичок в кепке. Огонек его сигареты уставился на них, как красный глаз.

— Муж мой, — пояснила Катя, когда они прошли несколько десятков метров. — Переживает.

— За тебя?

— Зачем за меня? За Альму. Потом что это он щенков утопил. Завыл бы от тоски сам. Да немой.

— Не твой? — совсем уж глупо спросил Велемир, поскольку стал вновь путаться в мыслях. А все из-за бумажного послания, оставленного в номере на столе. Но тут действительно все выглядело странно и нелепо. Какая-то самарская тетька ждет мужа в Юрьевце, а дети ее по ночам как очумелые носятся по гостинице, инвалид переживает о собаке, как о родной жене, хотя сам же и утопил ее щенков, а жена эта идет рядом с ним неизвестно куда. Нет, известно куда — к роднику.

— Языка нет, — ответила на его вопрос Катерина. — На Кавказе отрезали. И еще кое-что. По мелочи.

Велемир решил не уточнять — что именно. И вообще, больше вопросов не задавать. Все равно без толку. Лишь сейчас он обратил внимание, что за ними увязалась и какая-то дворовая собака. Должно быть, та самая Альма. Она близко не подходила, но шла, как привязанная, метрах в трех сзади. И смотрела так, словно хотела выговориться — все равно

кому, хоть этим двум, похожим, вроде бы, на людей. Но она ведь тоже без языка. Как и они.

— Лена, прости, а я ведь подзабыл, где этот родник находится, — сознался он.

— Я покажу, — ответила женщина. — Только меня не Лена, а Катя зовут. Катерина Рябцева.

«И чего это у меня вырвалось? Тринадцать лет никого так не называл. Видно, ночь какая-то совсем мистическая и безумная...» Ночь действительно была необычной, в Москве таких нет: совершенно безлюдно, во всех деревянных домиках погашены огни, на улице тепло, как в предбаннике, тишина густая, звенящая, словно струится со звезд. Гравий под ногами вкусно похрустывает. И, конечно же, полнолуние.

Они шли по такой узкой улочке, что по ней можно было проехать, наверное, только на велосипеде, а если высокий человек расправит руки, то, кажется, непременно достанет ими до обоих заборов, с той и другой стороны. Домики кончились, впереди был глубокий, поросший кустарником и чахлыми деревцами овраг. Вниз вела деревянная, вросшая в землю лестница с корявыми перилами.

— Здесь поосторожней, — предупредила Катя. — Скользко.

— Знаю, падал уже, — откликнулся он.

И хотя опыт был, но вот и теперь он едва не загремел всеми костями на середине лестницы. Успел ухватиться за Катерину, которая шла первой. Он буквально повис на ней, почувствовав исходящий от нее аромат свежееиспеченного хле-

ба.

– А кладбище тут где? – зачем-то спросил Велемир, не отпуская ее плечи.

– За оврагом, – ответила она, тоже не торопясь к освобождению. – А вам и туда надо?

Он развернул ее к себе лицом и решительно поцеловал. Может быть, даже чересчур сильно и грубо. Но она нисколько не сопротивлялась, напротив, прижалась к нему всем телом. Глаза ее в темноте зеленовато светились.

– Пошли! – резко сказал Велемир и отпустил женщину.

– Куда? На кладбище или к роднику? Или обратно в гостиницу?

Он двинулся вниз, в глубину оврага. Катя задержалась. А Альма так и осталась наверху, не доверяя крутым ступеням. Легла на землю, устроив мордочку между лап. Решила подождать людей здесь, если они, конечно, вернутся.

Родник журчал где-то рядом. Слева от лестницы. Надо было пройти еще несколько метров. Тропинка, вымощенная камнями, вела к деревянному навесу, острый шпиль которого венчал крест. Была и скамеечка для отдыха, с двумя резными фигурками по бокам. Очевидно, какой-то местный умелец-плотник постарался. Выглядели они как живые – старик и старуха с посохами, со склоненными лицами, застывшие в вековой печали. А вода из родника струилась им почти под ноги – в обложенное булыжниками корытце-колодец.

Велемир отвинтил крышку термоса и нагнулся к источнику.

– Водица славная, – сказал вдруг кто-то позади него.

Голос звучал трескуче, как сухие ветки в костре. От неожиданности Велемир едва не упал в этот колодец. Но удержался.

– Да. Редкая водица, – повторил старик – ожившая резная фигура из дерева. Он не шевелился, только шамкал ртом. Руки опирались на посох. И смотрел даже не на Велемира, а куда-то сквозь него, в пустоту. Что видел там – непонятно, но что-то явно с интересом рассматривал. А глаза были подернуты белесой пленкой, поэтому и казались неживыми.

– Старуха ваша тоже не из болтливых? Или только под деревяшку косит? – спросил, немного отойдя от первоначального испуга, Велемир. Он был очень зол. Так обмишуриться!

– Это те самые наши постояльцы из Иванова, – пояснила, подходя, Катя. – Здравствуйте. Не нашли еще?

– Нет, ищем. Вечер добрый, – отвечал старик. Старуха продолжала молчать, будто ничего и не слышала. Она настолько ушла в себя, что действительно обратилась в скорбную деревянную статую. Интересно, сколько они тут сидят? Такое впечатление, что целую вечность. А впрочем, перед водой и огнем можно и окаменеть.

– А что потеряли-то? – поинтересовался у старика Велемир.

– Язык, – ответила вдруг старуха. Словно половица скрип-

нула. И снова ушла в какое-то инобытие.

– Праязык, – поправил старик. И добавил: – Который был изначально.

Эта тема оказалась близка Велемиру, но сейчас было не до нее. Его возмутило: что ни час, что ни новая встреча, то какой-то иллюзион, мистический фильм ужасов «Сонная лощина». Тайны Юрьевца. Он стал жадно, до ломоты в зубах, пить воду, наслаждаясь этой единственной животворящей реальностью, журчащей весело и радостно, как сама жизнь. Потом набрал полный термос и закрутил крышку. Подумав, вытащил из кармана детского железного солдатика и установил его на краю колодца. Пусть родник охраняет.

Что же ему все это напомнило? Только сейчас он сообразил: действительно какое-то кино, то ли Бергмана, то ли Тарковского, даром, что его музей где-то в городе. Да и сам он тут родился. Вот и происходят на его малой родине всякие метафизические чудеса. А может, это и не фильм даже, а лишь один замысел, черновик, уцелевший сценарий, плохо смонтированная старая черно-белая пленка, которая так и не попала на экран. Нереализованная идея, сюжет с движущимися или застывшими фигурками. Без звука, без языка. И он, Велемир, в их числе. Но каждый жест, немое слово или предмет декорации имеют свое значение. Тайный смысл, который еще предстоит разгадать.

Вот уж не думал, что поездка обернется таким душевным смятением. Вхождением почти в потусторонний мир,

сакральной встречей с исчезнувшими и мертвыми, утерянными и возвращенными вновь. И почему это происходит именно здесь, в Юрьевце? Ну, город как город, типичный, среднерусский, поволжский. Основанный, кажется, еще до татаро-монгольского ига.

Перед задумавшимся Велемиром вдруг возникло светящееся облачко, прямо над струившимся родничком, отдаленно напоминающее женский силуэт.

– Ты видишь? – толкнул он уже давно прикорнувшую у него на плече Катерину.

– Что? – очнулась она.

– Неважно.

– А я вижу, – проскрипел старик. – Это душа родника, его язык.

Велемир не стал спорить, его эта версия вполне устраивала...

В сознании Велемира отворилась какая-то дверца, как в потаенном хранилище. Будто и не забытое вспомнилось, а то, что было вообще сокрыто от глаз, но всегда незримо присутствовало в душе, погруженной в сон, в морок, лежащей под спудом нынешнего чужебесия, как под крышкой гроба. Нет, видно, не случайно он оказался в Юрьевце. Словно пришел в старый кинотеатр, где вдруг замелькали кадры давно минувшего. И где неожиданно он получил это странное послание, весточку с того света...

Скамеечка у родника была хоть и короткой, но места хва-

тило всем. Велемир уселся рядом с Катериной, между стариком и старухой. А вода продолжала журчать, повествуя о чем-то. Все молчали и слушали. Слова старика о Праязыке навели Велемира на мысль, что тот, по сути, прав, хотя вкладывает в это, возможно, какой-то свой метафизический смысл, не научный. Не лингвистический. Но искать надо действительно здесь. Почему? Да всё очень просто. Велемир последние лет двадцать тщательно изучал этот вопрос.

Происхождение человечества и, соответственно, Праязыка, взаимосвязаны. Ориентировочно – два – два с половиной миллиона лет назад. Это олдовайская и шелльская культура на востоке Африки. Но почти одновременно, по историческим меркам, на Алтае сформировалась галечная культура, и, в тоже время, гоминиды осваивали Францию и территорию реки Дунай. А еще – Среднерусская возвышенность, где и расположен нынешний Юрьевец. Именно в этих местах и в эти сроки появилась членораздельная речь. Другого времени для появления Праязыка попросту нет.

Полтора миллиона лет назад произошло первое оледенение. Сдвинувшись с мест, смешались африканские и евро-азиатские группы. Затем последовал еще один ледниковый период. И семьсот тридцать тысяч лет тому назад сформировался вербальный, словесный язык. На это указывает, в частности, родство франко-кантабрийской мифологии, существование которой предполагает язык, с мифологией средне-нижнего палеолита. Велемир даже лекции читал на

эту тему. И статей написал кучу.

Может быть, именно отсюда следует считать начало создания для человечества единого Праязыка? Дата неопределенная, но хоть что-то... Хоть какой-то исток. А памятники олдовайской и шелльской культур распространены на обоих обитаемых в то время континентах – в Евразии и в Африке. На территории России следы древнейшего шелльского человека обнаружены на Северном Кавказе и в Прикубанье. Аналогичные памятники открыты в Азербайджане – в пещере Азых, в юго-восточной Англии – у города Клэктонон-Си, в Закарпатье на горе над Тиссой – так называемая «стоянка Королёво», на реке Северный Донец, правом притоке Дона, в Изюмском районе Харьковской области, в Луганском крае. А в Юрьевце? И в Юрьевце, разумеется, они тоже есть, должны быть. Только не ищут.

Ведь в России южная граница ледника доходила до реки Оки и низовьев Припяти. Древние люди вынуждены были переселяться в обширные области Русской равнины с её Среднерусской возвышенностью. Этот исторический промежуток времени – четыреста тысяч лет тому назад – следует считать окончательным периодом, когда популяции древнего человека были настолько разделены, что в результате этого было положено начало двум совершенно разным человеческим линиям. Но главное – произошло первое разделение языков.

Наука определяет возраст Праязыка близким возрасту по-

явления человека вообще. Более того, генетики определили различия между последовательностями митохондриальных ДНК людей и шимпанзе. И по известной дате отделения ветви шимпанзе (пять миллионов лет назад) вычислили время и первого разделения групп предков ныне живущих людей. По их данным, такое разделение произошло 180–190 тысяч лет назад.

Это дата наиболее древней мутации в митохондриальных ДНК, которую генетики могут распознать. Дальше – стена, мрак. Но на этом уровне обычно кончаются и возможности глоттохронологии – сравнения корней древнейших языков людей. Получается словно бы необоримая преграда на пути к истине. Кто же её перед нами воздвиг? Уж не отец ли лжи? Или нам еще не дано знать то, что не положено, поскольку еще не пришло время? Вопросы эти повисают в воздухе. Как повисло вдруг перед задумавшимся Велемиром светящееся облачко.

Начало всей человеческой истории пролетело перед глазами Велемира за тот час, что он сидел на скамеечке у родника. Он словно бы просмотрел удивительный фильм, созданный настоящим мастером. Как будто пришел на последний сеанс в открытый кинотеатр, где неожиданно увидел полустертую ленту Тарковского или другого, неизвестного еще, но великого режиссера. Творца правд.

Тут внимание всех «жителей» скамейки привлекло еще одно «облачко», но на сей раз, кажется, вполне реальное. Де-

ревянные ступени лестницы стали поскрипывать, за кустарниками показалось белое платье – кто-то еще спускался к роднику.

– У вас сюда прямо ночное паломничество, – проговорил Велемир.

– Знатная водица, – ответил за всех старик.

– Но это не к нам, – добавила Катерина. – Она к могилам идет. Тут, через овраг, будет покороче.

– Кто – она?

– Так... Вдова.

Больше Велемир никаких разъяснений не получил. А белое платье действительно скрылось где-то в глубине оврага, в зарослях. Очередная тайна Мадридского, то есть Юрьевецкого двора. Почему именно ночью нужно пробираться на кладбище, рискуя сломать себе в темноте шею? Покойный муж не может обождать до утра, что ли? Об этом Велемир и спросил Катерину.

– Живет там, – просто ответила она, болтая ногами. Будто это было в порядке вещей: жить в могиле.

– Как? В гробу?

– Ну почему. В сторожке. Правда, без удобств. Электричество срезали, как бесперспективный объект. Зимой дровами топят. Она ведь типа зрителя на кладбище.

– Да уж, объект и в самом деле бесперспективный, какая, право слово, перспектива у мертвецов? – усмехнулся Велемир.

Прежде ему как-то не довелось побывать вместе с женой на этом кладбище. Может, сходить завтра? В провинциальных русских кладбищах есть какая-то притягательная сила. Словно захоронены здесь не люди, а древние сокровища, клады. Впрочем, в некотором виртуальном смысле так оно и есть. Теперь ему показалось, что он ослышался старика, и тот сказал не «знатная водица», а «знатная вдовица».

– Молодая? – на всякий случай поинтересовался он.

– Лет сорок.

«Как было бы и Лене», – подумал он с непонятной тревогой.

– А давно здесь?

– Приехала годков двенадцать назад. Вместе с мужем.

– Уже покойником?

– Здесь умер, – как маленькому пояснила Катя. – Утонул в Волге, на второй день. Пошел купаться и... А тело так и не нашли. Это бывает, течение все же. А Лена так переживала, что решила тут и остаться. Сторожка-то уже пустая была. Прежний смотритель так пил, что в открытую могилу и свалился. Да сразу и умер. Только закопать осталось.

– Лена? – испуганно переспросил Велемир.

– Имя такое, редкое, – Катерина внимательно посмотрела на него и перестала болтать ногами. – Но я точно не знаю всей этой истории. Говорят, что муж не утонул, а сбежал, бросил ее. Вот она умом и повредилась.

Ему стало как-то трудно дышать, а сердце вновь защеми-

ло. Достав таблетку валидола, он сунул ее под язык. Нет, надо непременно сходить на это кладбище. Поглядеть на вдову. А вдруг?.. Какие-то совершенно безумные мысли полезли в голову. Он вытер носовым платком взмокший лоб. Просто форменная чертовщина.

– Пошли, что ли? – предложила Катя.

Наверное, она имела в виду гостиницу, но Велемир понял по-своему. Ему сейчас стало страшно, он хотел оттянуть визит на погост, в сторожку, до утра, до солнечного света.

– Успеем к могилам. Надо еще водки выпить, – сказал он.

– Вот и двинули, – согласилась она.

Старики продолжали сидеть не шевелясь, как деревянные истуканы. Ждут, когда Праязык или Слово им само в руки свалится. А ведь и он тоже ищет того же. Жена-то уже нашла. Теперь говорит языком мертвых, мертвым языком.

– Ну, прощайте, – произнес Велемир, будучи уверен, что его не слышат.

– Скоро свидимся, – трескуче бросил ему в спину старик, когда они уже шли к лестнице.

... Через час от всех пережитых треволнений и размышлений он был уже настолько пьян, что начинал видеть себя как бы со стороны. Но никак не мог понять: где находится и кто эти люди за столом? И почему он рассказывает инвалиду в коляске о «благородном римляnine Меркурии»? Тот ведь глухой. Нет, немой, кажется. А-а, какая разница!..

– ...и вот, когда ему сонному подло отрезали голову, – за-

плетающимся языком продолжал Велемир, – произошло чудо. Воин Меркурий встал, взял главу свою в руки и понес в город Юрьевец. Стоп! Не в Юрьевец, в Смоленск. Впрочем, без разницы. Во всех русских городках был свой Меркурий. А татары в ужасе побросали оружие и бежали, давя и убивая друг друга. На них нашло помешательство. Как на меня сейчас. А вы, дурни, хоть знаете, что ваш юрьевецкий святой, блаженный юродивый Симон мог ходить по воде как по суше? Над ним смеялись, издевались, били, а по его молитвам погас пожар, грозивший уничтожить весь Юрьевец?

– Мне тоже кое-что отрезали, – произнес инвалид в клубах табачного дыма.

– Погоди. Ты же немой?

– А я притворяюсь. Просто говорить неохота. Надоело.

– Это правильно. Давай тогда помолчим.

Велемир потянулся к столу за самогоном, налил в два гра-
ненных стакана, и они выпили. Захрумкали свежими зелены-
ми огурцами, юрьевецкими, знаменитыми. Можжевельный
самогон доставил, кажется, брат Кати, эпилептик. Он сейчас
возбужденно спорил о чем-то с двумя меднолицыми широ-
коскулыми мужиками, похожими на индейцев. Это, как он
догадался, транзитные из Чебоксар. На койке спала какая-то
женщина в кудряшках. Сама Катерина сидела рядом с Веле-
миром и прижималась к его плечу.

– Отстань! – он указал пальцем на мужиков. – Как звать?

– Вася и Митя.

– А дрыхнет это кто тут на моей койке?

– Администраторша. Люся. Ты все забыл?

– Местами, – сознался он. Но все же с усилием воскресил в памяти начальную картину: как, встретив по пути в гостиницу брата-эпилептика, ходили все вместе в какой-то «самогонный дом» на окраине, потом сошлись с чебоксарцами, подняли в номер «отрезанного мужа» вместе с его коляской, а Люсьен, наверное, сама приперлась, на правах хозяйки. А вот за самогоном, кажется, брат бегал еще пару раз.

– Термос где? – спросил Велемир.

– Ты его детям отдал, – ответила Катя. – Они пить хотели.

– Какой я славный. А больше ничего не отдал? Деньги там, одежду, фотоаппарат?

– Нет.

– Жаль. Берите все! Мебель, зубную щетку, жену.

– У тебя же нет жены, – напомнил инвалид. – Ты говорил, она в Париж сбежала, с любовником.

– Разве? – удивился Велемир. – И как только смогла... Ее ведь здесь убили. В Юрьевце.

– Вот горе-то, – посочувствовала Катя. – А как, кто?

– «Кто»? Да кто-то из вас. А «как» – вам лучше знать.

Он задумался, потирая виски. Ему представилось, что так оно и было на самом деле. В Париже она была, но вместе с ним. Сразу после свадьбы. А вот из Юрьевца-то и не вернулась. Тут на кладбище и похоронена. Он даже сам горсть земли кидал и цветы клал. Синенькие такие, фиалки. И, ка-

жется, даже упал на гроб, как принц Гамлет. Нет, просто поскользнулся, ведь дождь шел, глина мокрая. Вот как все было, или должно было бы быть. Инвалид молчит, потому что разговаривать надоело, а ему ничего и вспоминать не хочется. Лучше все заново выдумать.

– Из нас никто никого не убивал, – сказала Катерина.

– Ну почему же? – не согласился инвалид. – Я это делал довольно часто.

– Ты – на войне, это другое, – она погладила его по обриту до синевы черепу. – И вообще, чего-то ты сегодня разболтался.

– Не убивали! – хмыкнул Велемир и указал пальцем на ссорящихся мужиков. – А эти чем занимаются?

Они сейчас действительно уже не только ругались, но начали хватать друг друга за грудки, все трое. Затем брат-эпилептик и транзитные сцепились-слиплись в какой-то слое-ный гамбургер, издавая одни лишь междометия и мат. А вскоре эта мясная котлета стала с ускорением двигаться от стенки к стенке, пока не опрокинулась на пол. На короткое время она распалась на три огрызающихся части, а затем вновь сфаршировалась.

– Бифштекс выйдет с кровью, – предположил инвалид. – Останется только лучком посыпать.

А его на столе было много. И порей, и петрушка, и свежие помидоры, и вареный картофель, и сельце, – все, чем богата славная земля Юрьевца.

– Разнимать не надо, – предупредила Катя. – А то перепадет ненароком. Они дикие.

Да Велемир бы и с места не тронулся, пусть убивают. Впрочем, настоящей драки так и не получилось. То ли тротил иссяк, то ли о самогоне вспомнили. Все трое разом поднялись с пола и с угрюмой решительностью уселись за стол. Проснулась и администраторша, запоздало прикрикнув:

– Эй, вы чего это тут? Я вот вам!

– Ты – нам! – огрызнулся брат-эпилептик. – А мы вот от тебя и не возьмем!

– Поговори у меня, идол! Враз из флигеля выпишу.

– Сщас! Как бы сама на улице не осталась. С голой жопой.

– Чего-чего?

Назревала новая ссора. Наверное, вирус такой сорный проник в номер, а то и в город, а может быть, и во всю Россию, в провинцию, по крайней мере, уж точно. Вроде собачье-кусачьего гриппа. Но он долго не жил. Не выдерживал накала людских страстей и сам от страха самоуничтожился. Вот и администраторша спокойненько встала, одернула юбку и тоже присела к столу. Даже как ни в чем ни бывало засмеялась и чокнулась самогоном с братом-эпилептиком, благодушно толкнув его кулаком в бок.

Тут только Велемир заметил и Альму, выглядывающую из-за тумбочки. Он бросил ей кусок колбасы и подумал: конечно, никто из них Лену не убивал. Она вообще скончалась от сердечного приступа. Кажется. Хочется в это верить. Так

проще.

Ну, разве может быть убийцей этот вдруг заплакавший, зарывавший навзрыд без всякой видимой причины эпилептик? Или эти транзитные, принявшие его утешать и хлопать по спине да по плечам? Или бритый, отрезанный инвалид с обреченными глазами? Или его жена, которая, может, и не блудница вовсе, а святая? Монашка, вышедшая погулять. Да на них земля российская держится. Только вверх ногами.

Ему самому сейчас захотелось то ли пустить слезу, то ли расхохотаться. А за столом уже вновь оживленно заспорили, и тема была очень важная: о перекупщиках сельхозпродукции на подступах к рынку. Лишь инвалид молчал, курил одну за другой.

– Я ему говорю – по четыре, а он – по два, и ни в какую! – талдычил кто-то из транзитных, то ли Вася, то ли Митя. – А помидоры ждут, еще день и потекут. А ему, Магометке, что? Он сидит в своей машине и музыку слушает. Ждет, когда я сломаюсь. А на базаре станет по сорок толкать. Я ему – три, а он – два.

– Во-во! – подхватил второй, Митя или Вася: – И полицаи за них. И фашистские старосты в наших поселках. И гауляйтер области.

– Выше бери, – поддержал вдруг инвалид. – Сам наместник Кремля за них. Это его скрытая ударная сила, резервные полки из азиатов и кавказских овчарок. Чуть что – с поводка спустит, и всем хана. Начнут рвать и резать, только держись.

Да скоро и без приказа бросятся.

– Их орда целая, – добавил брат-эпилептик.

– Каганат, – хором отозвались Вася с Митей.

– А вы, хлопцы, когда отсюда съезжать будете? – завела, должно быть, свою любимую пластинку администраторша. – Всех уже достали. Деньги, что ли, еще не кончились? Выпишу ведь. Мешаете только приличным людям отдыхать, – она указала на Велемира. – Вон, человек из Москвы прибыл, могилу жены подправить, а вы? Помидоры! Наливай уже.

По коридору прогрохотал, пронесся табун детишек. Теперь они, наверное, изображали многовагонный состав, поскольку издавали на разные голоса паровозные гудки. Велемир почувствовал даже легкое сотрясение под ногами. Вполне возможно, что здесь, под Юрьевцем, проходит какой-то геологический тектонический разлом. И он только увеличивается от всей этой беготни и трескотни. Или же от чего-то иного. Мысли и образы ведь точно так же влияют на физическую сущность земли, как и поступки. В ином месте скапливается столько боли и страха, что когда начнешь бурить там нефтяную скважину, оттуда кровь хлынет. Нельзя шутить с природой. Особенно в пятом часу утра в Юрьевце.

– А это не к ней, к покойнице, недавно сестра приезжала? – спросила вдруг Катерина. Обращалась она к Велемиру, но ответила Люся:

– Точно – к ней! Вчера утром. Сказала: хочу могилку проведать. Сначала решила в гостинице остановиться, я уж и

бланк дала, а она вдруг: нет, у меня есть где. Передумала. Красивая такая, сразу видно, что из столицы. Или уж, на худой конец, из Владимира.

– Вы сейчас о ком? – спросил Велемир, блуждая взглядом по их лицам. Ему вдруг показалось, что Катерина едва заметно подморгнула администраторше. А та объяснила:

– Так про эту... которая к вдове вашей. Тьфу, к жене. Это вы – вдова, опять же – тьфу, вдовец, а она... Ну, словом, вы меня поняли. Наливай! Так и заявила: у меня есть где. Я и подумала: найдет место, не пропадет. У вас тут родня не проживает?

– Нету у меня никакой родни! – разозлился Велемир. – И жены тоже нету!

– Ну, нет, так будет, – усмехнулся инвалид, все время к чему-то прислушивавшийся, словно ждал кого-то еще. Этих было мало.

– А раз есть, где остановиться, то, зная, только у любовника, – продолжала гнуть свое Люся. – Но я ее прежде чего-то не видела. Она в бланке только имя успела написать: Ирина. И зачеркнула. Говорит: есть у меня где...

– А кто же у нее тут может в любовниках ходить? – вступил в разговор брат-эпилептик. – Не Максим ли Иванович, электрик с насосной станции? Почитай, самый видный мужчина. И всегда с капустой. Власть! Кому хочет свет вырубит.

– Электричество тут ни при чем, – заявила Люся. – Главное, холост.

— А может — к этому, Ферапонтову, директору школы? — предположила Катя. — Так он женат.

— Это ничего, — утешил инвалид. — Ты же ведь тоже замужем.

— Да не было у нее никакой сестры, — слабо возразил Велемир, начиная уже и сам верить во все, что они тут болтали. Но его никто не услышал. Собравшиеся за столом продолжали гадать: к кому из местных могла приехать эта столичная штучка? Ну, кроме местных покойников; покойницы то есть, по долгу, так сказать, службы.

А Велемира изнутри стала бить какая-то нехорошая дрожь. С того момента, когда администраторша назвала имя приезжей незнакомки. Он ведь солгал, была у Лены сестра, и звали ее именно так. Но только та Ирина уже давно проживала в Германии, в городке Вендель, на улице Бергбердштрассе, 21. Вышла замуж за сына обрусевшего немца из Саратова, и укатила. Их там всех принимают, в Дойчланд. Хоть русского, хоть еврея, хоть татарина, главное, чтобы был немцем. И чего, спрашивается, ей теперь в Россию назад переться, да еще в какой-то там Юрьевец? Которого даже на картах германского генштаба наверняка нет. Ерунда какая-то. Все тут сплошная головоломка.

Но ощущение холода внутри и мурашки по всей коже не проходили. А эти идиоты все спорят: к кому из любовников приехала Ирина? Они уже полгорода перебрали. Вот теперь и главный банщик Юрьевца маячит на горизонте с шайкой и

веником, и какой-то армянин Гурген с балыком подмышкой – хозяин продуктового магазина, и даже местный поп с кадилом, хотя у него-то непременно есть своя попадья. И другие, мелочевка всякая.

А Ирина была действительно красавица, это он отлично помнил. Только постарше Лены. Или помладше? Погодки, одним словом. Родились одна за другой. А кто за кем – это теперь уже и не важно. И вообще, причем тут сестры? А записка на столе? Или ее тоже не было?

Велемир сунул руку в карман и нащупал листок бумаги, но вынимать и разворачивать при всех, чтобы убедиться, не стал. Хотя, может быть, это просто завалялась какая-то квитанция. Счет за услуги. Но, если вдуматься, таинственное послание тоже было неким счетом, предъявленным к оплате. Чересчур запоздалым, правда. Из совсем другого времени. И места, коли уж на то пошло.

– Потерял что? – тихонько спросила Катя, от которой не укрылись его жест и озабоченное выражение лица.

«Слишком уж любопытна, – подумал он. – Это тоже подозрительно. И когда это она успела со мной на ты стать? Знает больше, чем говорит. Похоже, она тут вообще самая главная. Косит под серую мышку, а на самом деле атаманша всей этой шайки».

– Может, опять сердце?

«Заботливая, – продолжил он рассуждать, не отвечая. – Притворяется. Старается казаться лучше, чем есть. Мужу

изменяет, чуть ли не у него на глазах. Дурная наследственность, брат-то эпилептик. А может, он и не брат ей вовсе? И муж не муж. Все тут наверняка все врут. Куда-то заманивают. Театр кошмара, фильм ужасов, цирк дю солей, музей абсурда, галерея Марата Гельмана».

– Хочешь прилечь? – участливо, в третий раз задала вопрос женщина.

– Куда, в гроб? Чего ты меня все время уложить пытаешься? – ответил он наконец. Причем довольно громко и сердито. А после его слов за столом внезапно установилась тишина. Будто все мгновенно протрезвели и приобрели нормальный естественный вид. Сбросив карнавальные маски.

Впрочем, какой там «нормальный»! У одного с носа капало, а он даже не думал вытереть, у другого так вспухли на лбу и шее кроваво-синие жилы, что готовы были в любой момент разорваться. У третьего появилось какое-то бельмо, а может быть, это к глазу прилепился кусочек огурца, четвертый скалил редкозубую пасть, пятая вообще походила на крашеную горгулью, смесь певички Мадонны с Филей Киркоровым. Все они на несколько секунд застыли и замолчали, обратив лица-личины к Велемиру. И в то же время из-за тумбочки жутко завывала Альма. А Катерина вдруг рассмеялась.

– Ну что ты, глупенький! – ласково проворковала она. – Кто же этого хочет?

– Никто, – серьезным тоном подтвердила Люся и забот-

ливо утерла нос эпилептику.

– Никто, – эхом повторили транзитные чебоксарцы. – Никто по четыре не возьмет. И по три тоже. Разве теперь по полтора.

– Никто насильно в гроб не ляжет, только добровольно, – загадочно произнес инвалид. А братец тоже хотел сказать это «никто», но вместо слов у него изо рта вдруг пошла пена.

«Сейчас все они лопнут, – догадался Велемир. – И мираж исчезнет». А чтобы колдовские чары побыстрее развеялись, он занес кулак и двинул кого-то из сидящих за столом троллей и гоблинов в харю. Попал, очевидно, в нос, потому что кровь брызнула фонтанчиком. А Велемир еще и выдернул из-под себя стул и «угостил» им лампочку.

Номер погрузился в темноту, раздавались со всех сторон лишь вопли. Велемир, как резиновый мячик, упруго поскакал к двери, вывалился в коридор. Соображал он плохо. Ему вообще казалось, что все это происходит во сне. В каком-то очень страшном, но интересном, когда и просыпаться-то не хочется. А сзади неслись крики:

– Держи!.. Лови!.. Где он?.. Тут, поймал!..

Поймали, очевидно, кого-то другого, а Велемир помчался по тускло освещенному коридору. Он был черен, длинен, извилист и напоминал прямую кишку. Прямую-то прямую, но с заворотами, нишами, боковыми лестницами и черными ходами – вниз и вверх, в подвал и на чердак, а пропитан был действительно запахами нечистот из туалета. Воды-то не бы-

ло, слива тоже. Еще и мертвечиной какой-то несло. Не то дохлой кошкой, не то тухлой рыбой. А может, и человечесиной. Впрочем, сейчас было не до ароматов.

Велемир мчался вперед, а на скользком полу его кидало от стенки к стенке. Один раз он упал, но продолжал поступательное движение, как на льду. В другой раз влетел головой в неожиданное препятствие: ударился в грудь многодетной богатырши. Женщина в ночной сорочке завопила, пытаясь уловить его юркое тело:

– Что, кто?.. Пожар, муж?.. Видел его, видел?..

Велемир выскользнул, умудрившись еще и лягнуть великаншу, и включил «третью скорость». Он никогда не думал, что может бегать так быстро. Кажется, в коридоре даже поднялся ветер, а на облезлых обоях стали вспыхивать искры. Того и гляди и в самом деле все тут загорится. Плохо то, что Велемир совершенно не имел представления – куда бежать? И, в принципе, зачем? От кого? От себя?

Однако бег и погоня продолжались. Велемир слышал крики не только своих недавних собутыльников, но еще и басыстый рык гигантской матроны. Та, очевидно, тоже включилась в этот легкоатлетический кросс. Оглянувшись, он даже углядел у нее в руке вместо эстафетной палочки древко от метлы. А тут еще навстречу ему откуда-то из-за угла с дикими воплями выскочила толпа детей. Они попытались облепить его, как осы, но Велемир метнулся к боковой лестнице, застучал по ступеням. Шаткие перила с грохотом стали па-

дать вниз.

Едва не сломав шею, он выскочил в гостиничный холл. В дверь с улицы как раз входили старик и старуха. В жидком предрассветном кефире они выглядели очнувшимися трупами. Эти зомби бережно поддерживали друг друга, чтобы не упасть, не рассыпаться прахом.

Велемир, несшийся прямо на них, едва успел притормозить.

– Нет, не нашли еще, – треснул старик, будто отвечая на заданный вопрос.

– А вы? – спросила старуха.

– И я тоже, но обязательно найду, – отозвался Велемир и проскочил между ними. Это вышло не совсем удачно, поскольку расстояние было слишком узким. Старик со старухой попадали в разные стороны, как кегли. Хорошо еще, что по бокам от двери стояли два кресла, в них-то они оба и угодили.

Велемиру было некогда извиняться – в холл со всех трех лестниц уже сыпались монстры: рогатые мужики, чешуйчатые женщины, карлики, притворявшиеся детьми. Как нечисть из древнерусских сказок. Понимая теперь, что испытывал Хома Брут, отпевая панночку, Велемир на предельной скорости рванул в открытую дверь и выскочил на площадь, к пустынным торговым рядам и прилавкам. Вместе с ним с заливыстым лаем бежала Альма. Но она, кажется, единственная из всех воспринимала погоню с весельем и не собира-

лась никого кусать.

А сзади слышался не только топот лап, но даже скрип ржавой инвалидной коляски. Вот этого-то Велемир опасался больше всего, колеса все-таки. Почти «бентли». Теперь ему вместо криков чудились кровожадные завывания. Он пролетел площадь на одном дыхании, промчался по какому-то переулку, где самым приметным был черный дом с вывеской «Баня», и выскочил на заброшенную пристань с искореженной техникой и огромными бетонными плитами, из которых торчали острые штыри арматуры. Ноги его стали увязать в земле. Не хватало еще, чтобы тут оказались зыбучие пески.

Впереди лениво катила свои спокойные темные воды великая река.

– Вот она, Волга! – почему-то радостно выдохнул он, словно именно с целью наконец-то увидеть ее и совершал свой рискованный предутренный променад. Увидеть Волгу и умереть. Альма рядышком не менее радостно потягивала.

Но воодушевление прошло быстро, и Велемир тотчас же подумал: «Эге! Тут-то меня и накроют. Самое удобное место». Ноги понесли его куда-то вдоль берега, покрытого тиной, водорослями и мертвыми рыбешками.

А по Волге шел теплоход с зелеными огоньками.

Глава третья. Пешком к Цветному бульвару и дальше

Теперь, покинув гостеприимный «Шеш-Беш», они шли, просто прогуливаясь, по вечернему Садовому кольцу, а Велемир Радомирович вновь увлеченно рассказывал. За ними, на расстоянии трех шагов, следовал молчаливый, но глазастый, как бы с пчелиным фацетным круговым зрением телохранитель в черном костюме. И уж наверняка с наплечной кобурой под пиджаком. Марине такой эскорт нравился. А вот куда делся частный детектив? Она с юной непосредственностью и спросила об этом.

– Изучает обстановку и вникает в детали, как и положено, – туманно ответил их спутник. Вадим уже давно понял, что он любит подпускать дыма и огня, и то загорался, как фальшфейер в руках болельщика, то так же внезапно выгорал и потухал, становился молчаливым и равнодушным ко всему. «Очевидно, последствия личной драмы, – решил юрист. – Но когда же он перейдет к делу?» Тут-то клиент как раз и перешел:

– Вообще-то я по образованию филолог, семантик, историограф, лингвист, отчасти нейролингвист, немного археолог и прочее. У меня много дипломов, но все мои интересы лежат в плоскости древних языков, исчезнувших цивили-

лизаций. А последние двадцать лет я только тем и занимался, что искал Праязык человечества. Первый, единственный, ностратический моноязык, который изначально был на Земле у всех. А жена – химик, всю жизнь что-то химичила с реактивами, катализаторами. Превращала воду в вино. Вот только свинец в золото не умела. И преподавала в Университете, там же, где и я. Мы прожили вместе не так уж и мало – почти десять лет. И очень хорошо прожили. В любви и согласии.

– Как она умерла? Погибла, то есть, – подал голос Вадим, подпустив на лицо скорбной маски.

– Погодите, сейчас не об этом, – отрезал мужчина. – Вы согласны с тем, что в начале всего было Слово?

– Ну... да, – растеряннотозвался юрист, далекий от богословия и теологии. А Марина благоразумно промолчала, решив не дразнить гусей, в данном случае одного «гуся», вышагивающего рядом. Она вообще была атеисткой и со смехом относилась к «поповским сказкам».

– Поисками Праязыка занимались лучшие умы человечества, на протяжении практически всей его истории, – увлеченно продолжал Велемир Радомирович. – Да так и не нашли. Хотя версий и гипотез существует множество. А те, кто особенно глубоко погружался в эту тему, как правило, сходили с ума. Вот был в девятнадцатом веке такой ученый-самоучка, малороссийский помещик, друг Пушкина и Гоголя, Платон Акимович Лукашевич, который на расстояние ша-

га приблизился к Праязыку. Так он окончил свою жизнь в «желтом доме». И многие другие тоже. Это очень опасные поиски. Тут вмешиваются инфернальные силы. А почему?

– Да, почему? – спросила на сей раз Марина. Все, что было связано с потусторонним миром, ее занимало. Притягивало. Вадим же подумал: «Вот ты и проговорился, сам признался, отчего крыша прохудилась и тараканы в доме завелись».

– А потому, – начал объяснять филолог-нейролингвист, – что в основе зарождения мира лежит духовное начало. Дух воздействует на материю, находящуюся в состоянии хаоса, и творит, упорядочивает ее формы. А Праязык, исходно данный людям Божественным Духом, служил основой для построения многочисленных языковых «деревьев», где он играл роль начальной части ствола. Подлинную историю мироздания можно реконструировать только через язык. И если «В начале было Слово», то и окончание мира также будет связано со Словом. Только с «черным словом», лживым, антихриста. Как известно, эсхатология – это учение о конце мира: эсхатос – конец, логос – слово...

– Ну да, проходили, – вяло поддакнул юрист.

– Язык – это основной инструмент управления человечеством, потому что только он позволяет создавать, разрушать и передавать смыслы безусловного. Все остальные орудия строительства и разрушения мира смыслов и материального, явного мира, подчинены также только Языку. Священное Писание прямо говорит нам: на всей земле был один

язык и одно наречие. Адам и был живым языком, ходящим непосредственно пред Отцом Богом. И язык этот был целомудренным, ему подчинялись ум, тело и вся жизнь. Перво-родный грех расколол разум Адама, все вокруг раздвоилось. Стало два языка – два ума: душевный и плотский. А умирая, Адам предрек, что на том месте, где его похоронят, будет распято Слово. Это Голгофа. Здесь можно еще схематично добавить, что Змий искушал Еву, соблазняя ее своими речами – языком отца лжи. Забыв на миг Язык Бога, она прислушалась к искусительным речам Змия, перешла на чуждый для нее язык, по сути, «иностраный», ино-странный, ино-славный, который заглушил родной и стал управлять ее разумом.

– К покойной супружнице бы поближе, – с тоской проговорил Вадим. – А то мы этак никогда до дела не доберемся.

– Обождите, еще чуть-чуть, – отмахнулся исследователь. Речь его завораживала. Вадим прямо на ходу, продолжая двигаться, начинал подремывать, а вот Марина, напротив, слушала очень внимательно.

– Изучая древние языки, историографию, знакомясь с трудами выдающихся лингвистов прошлого и нашего времени, отечественных и зарубежных, причем даже тех, которые находятся за семью печатями запретности, а таких, поверьте, немало, я – да не только один! – пришел к неоднозначным выводам. Многие теории индоевропеистики, базирующие свои выводы не на славянских древних субстратах, а на

иноязычных, подлежат переосмыслению и пересмотру. Что я и делаю, чем и занимаюсь всю свою сознательную жизнь.

– И вы один со всем этим справляетесь? – с изумлением спросила Марина.

– Ну, не в одиночку же, конечно, – отозвался он. – Мне мои студенты помогают, аспиранты, ученики. Соратники. Жена вот тоже оказывала огромную поддержку и помощь. Пока не погибла. Или, – добавил он, помолчав, – ее не убили намеренно. Но продолжу.

Они шли по Садовому кольцу к Цветному бульвару, просто получая удовольствие от неспешной прогулки. Но казалось, что двигаются в прошлое – к истокам человеческой истории. И все благодаря Велемиру Радомировичу.

– ...Если взять всю Евразию, начиная от Великобритании и кончая даже Аляской, то весь этот север, действительно, в каменном веке был весь русским, – продолжал рассуждать он. – Складывается такое впечатление, что русский был тем самым единым языком, о котором в Библии написано, что был один язык до построения Вавилонской башни. Поэтому русская (и вообще славянская) лексическая современность вполне реально может оказаться славным прошлым древнелатинского до его деградиционных изменений, а также праиранского языка и прасанскрита. И еще. Главное заключается в том, что в русском живом языке находятся в большом количестве трехбуквенные корни, способные в смысловом поле заполнить предметно и символично все фонетические ком-

бинации согласных. В других языках такого положения нет. Это – особая структурная организация нашего языка.

– Я уже на седьмом небе, – не скрывая насмешливости, произнес Вадим. А Марина толкнула его локтем в бок.

– А почему некоторые нации так стремятся к тому, чтобы попасть в одну из языковых индоевропейских групп и быть ближе к Праязыку? – спросил Велемир Радомирович. – Почему принадлежность к индоевропейской семье считается престижной и даже служит основанием для националистических идей исключительности и избранности? Ответ содержится в разделе языкознания, изучающем связь языка и мышления, а точнее, влияния языка на организацию процесса мышления. Это уже из области нейролингвистики.

Он улыбнулся, вспомнив что-то.

– Приведу такой пример из своей практики. Как-то мне довелось многократно принимать экзамен по исторической грамматике у студента одной из малых кавказских народностей. Сдав, наконец, после многих трудных попыток экзамен, он подошел к доске и сказал: «Велемир Радомирович, я хочу вам сделать один подарок». И начал писать на доске русскими буквами непонятные длинные слова. Он исписал половину доски, а потом повернулся и сказал: «Я написал на родном языке то, что произошло здесь сейчас и что можно выразить одним русским словом – «выкрутился». А чтобы понять и изложить историческую грамматику – сами понимаете. Когда я выучил ее на русском языке – мне стало зна-

чительно легче думать обо всем. Спасибо вам». И ушел.

– Действительно, ценный символический подарок, – улыбнулась Марина.

Вадим, в отличие от своей невесты, буквально засыпал на ходу. Слишком много съел и выпил за ужином. А Велемиру Радомировичу было все нипочем.

– Если представить, что в голове человека управляют одновременно два главных языка, то он сойдет с ума или тут же, как Иуда, повесится. Сказано ведь: не можете одновременно служить Богу и мамоне. Хотя мозг непрерывно плодит всякие вспомогательные языки на все случаи жизни и для любой ситуации. Но закон монархии одного языка давно доказан психологией, психолингвистикой и кибернетикой. Так что родной язык – царь в голове человека. И власть этого царя в голове свергнуть невозможно.

Остановившись и раскурив трубку, Велемир Радомирович с наслаждением затянулся ароматным табачком. Потом дополнил свою мысль:

– Американец Сперри в 1981 году получил нобелевскую премию за эпохальное «открытие» с расовым душком – функциональную асимметрию полушарий головного мозга. Суть в следующем. Кто-то левополушарный, кто-то полушарный справа, ну и одни, стало быть, поумнее других. Всех, обладающих высокоразвитым левополушарным мышлением, сразу же объявили истинными носителями «общечеловеческих ценностей». Ими «почему-то» оказались лю-

ди, наиболее способные к знаковым наукам и занятиям в сферах экономики, математики, финансах, культуры, филологии. Информатики, разумеется, тоже. Как вы понимаете, это, в основном, жители городов, мегаполисов и «цивилизованных стран». А вот корневое сельское население по всему свету сразу стало неперспективным, поскольку оно «правое» – с неразвитым левым полушарием. Чуете, куда и откуда ветер дует? Это одна из самых древнейших матриц: «Каин – Авель».

– Подуйте еще, что-то я пока не врубилась, – попросила Марина.

– Человеческая история, – охотно пояснил Велемир Радомирович, – по сути, завершается той же сценой, с которой когда-то началась: высокоразвитый Каин-урбанист, построивший некогда первый город, добывает на поле Авеля. Логика подсказывает, что на роль Каина подходят именно англосаксы и иудейский народ, как первенец, а на роль Авеля – русский, как последний богоизбранный народ. Это метафизическое братоубийство мистическим образом соединяет начало с концом времен.

– Да что толковать о неизбежном и неотвратимом даже по Откровениям Тайнописца, – усмехнулся Вадим. – Чему быть, того не миновать.

– И вы так спокойно к этому относитесь? – удивился мужчина. – И вас не трогают за живое провидческие картины Босха, который изобразил евронароды чудовищными карли-

ками и уродцами? А Брандту пришлось усадить их на «Корабль Дураков», чтоб с глаз долой, а Шпенглер показал им «Закат Европы». Дарвин «открыл», что все народы произошли от обезьяны Бога, и дал новую заповедь естественного отбора. Маркс подменил Благодать Божию деньгами и товаром. Ну а Фрейд лишил Отцовства и заменил разум либидо – сексуальной энергией...

– Валяйте дальше, – сказала Марина, поскольку Велемир Радомирович на некоторое время замолчал. Тут он словно бы очнулся от своих грустных мыслей:

– Теперь доламывают словесное существо. А для чего, как вы думаете, планета вся опутана электронно-информационными сетями? А человек стал подобно живому узлу связи всего со всем. Выдерни штепсель и посмотри – что станет с современным человеком? Весь его внутренний мир – этот первородный интернет – набит знаками, формами, формулами, а все родное и вечное в нем задавлено вездесущим хаосом. Истинные связи разорваны, а взамен их создаются, сплетаются чужие, поверхностные, временные.

«Не надо было его тащить с собой в «Шеш-Беш», – подумал Вадим. – Ох, не надо. До добра это не доведет...»

– Состояние речи – это состояние мысли, – продолжал Велемир Радомирович. – Состояние мысли – это состояние сознания. А состояние сознания – это предпосылка поступков. Поступки же – сущность поведения людей, а сущность поведения людей – это судьба народа. И для жизни независимо-

го государства, а таковым вроде бы пока еще является Россия, необходим высокий уровень владения языком его граждан. А каков этот уровень сейчас? Я даже не беру мигрантов-гастарбайтеров, дворников из Средней Азии или абреков с Кавказа. Включите телевизор, послушайте дикторов, загляните в «желтую» гламурную газету, откройте массовую беллетристику или просто выйдите на улицу и послушайте. Состояние удручающее.

– Да уж, – согласился Вадим. – Но что же с супругой-то приключилось?

Хорошо хоть погода стояла отменная, жара уступила место легкой прохладе, темнеть только начинало, все вокруг было тихо, спокойно и миролюбиво. Как в стародавние времена.

– Жена обождет, теперь уже ей спешить некуда, – осадил его Велемир Радомирович. Он остановился возле цветочного киоска, выбрал букет бордовых роз и преподнес Марине. И продолжил свою речь: – «Пастухи», чтобы стадо не разбежалось, а вело себя покорно, применяют сейчас информационное нейролингвистическое оружие. Мне эти методы хорошо знакомы, они существовали всегда, еще с добиблейских времен, только под разными названиями. Как появился первый язык – так и началось оболванивание. Племенные вожди, жрецы, маги, знахари – каждый использовал Слово к своей выгоде. Я выступал с лекциями об этом и в университетах России, и практически на всех континентах. Пока ме-

ня не «запретили». Но это уже после гибели Лены.

– А как она поги... – начала было Марина, но Велемир Радомирович не дал ей договорить.

– Психолингвистикой доказано, что только родной язык, как целостная смысловая система, настроен на внутренние струны души-ума человека. Активно же изучаемый инязы всегда является системой разделительной, что вносит в мышление бессмысленные цели, глушит и забивает, как сорняк, родные языковые корни. Запад, внедрив во все сферы нашей жизни невиданный, веками накопленный им моральный, да и физический разврат, нанес нам самый страшный в истории удар по русскому языку, по культуре, по образованию, по институтам семьи. А ведь семья – это колыбель народа. А язык – это сам народ и есть. Не случайно еще два века назад это были тождественные понятия.

Помолчав немного, он с горечью добавил:

– Вот меня и лишили семьи... Жены, которая была моим «народом», моим «языком»... Я занимаюсь цефалогенезом, антропологией, психологией, психолингвистикой, семиотикой, информатикой, много еще чем, и о многом могу рассказать. Науке давно известно, что в языке содержится больше исторической и культурной информации о носителе, чем в самом народе, если «вживую» изучать его нравы, традиции, обычаи. Исследуя любой древнейший язык, можно восстановить-оживить образ его носителя-народа, след которого давно исчез в веках. Вот почему языки позволительно считать

«мертвыми» только в том смысле, что некому стало их озвучивать. Поскольку их «беушные» носители-народы когда-то предали Слово Бога, развратились и пропали в пучине мирской истории. Как древние греки и римляне, как десятки, а то и сотни цивилизаций. Что грозит и нам. Умирают лишь носители-народы, а не языки, когда Слово покидает их, как души – усопших. Ведь именно Дух пользуется и вразумляет плоть, а не наоборот.

Телохранитель, шедший следом, прислушивался к его словам. Велемир Радомирович, надо признать, умел говорить и гипнотически завораживать слушателей, даром что нейролингвист. В вечерней летней тихой Москве, пока они шли по Садовому кольцу, чувствовалось благоухание цветов. И звучали слова их спутника. Велемир Радомирович остановился и повел рукой в сторону группы агрессивно настроенной молодежи, движущейся им навстречу. Они громко переговаривались, хохотали, толкали друг друга. Вадим поспешил утянуть Марину к краю тротуара, заблаговременно уступая дорогу еще не разыгравшемуся торнадо. А нейролингвист продолжал громко говорить, словно вызывая огонь на себя:

– Тела современных людей – это мировая свалка, помойка, геенна огненная, откуда квинтэссенция гниения и испарений поднимается в мозг, как в синтезатор-ассенизатор и воплоитель в жизнь главных идей и желаний плоти. Вот поглядите. Полюбуйтесь на них. Сытая жизнь для тела и бес-

конечных плотских удовольствий стала единственной целью и пределом мечтаний. Разве не так?

Отвязанная молодежь прошла мимо, не задев его. Очевидно, с помощью своих нейролингвистических фокусов он умел управлять и таким вот «торнадо». А может, просто на молодежь подействовали стальной блеск в глазах телохранителя и намеренно отодвинутая им пола пиджака, обнажившая наплечную кобур с «пушкой».

– Что вы за рекламной тумбой прячетесь, идите сюда! – позвал Марину и Вадима Велемир Радомирович. – Суть этого нового неоязычества, о котором я говорю, заключается в том, что плоть человеческая обрела активный язык, который неудержимо тащит человека ко всякой твари вместо Творца. И современное неоязычество многократно усилило этот убийственный для человека язык всевозможными айподами и айфонами, иными техническими и электронно-информационными штучками. Несчастную молодежь уже превратили в последнее поколение живых динамиков и усилителей, чрез которые сам лукавый орет и прокачивает свою поп-механику. Это нововавилонское поколение. А неоязычество – это апокалиптическое торжество плоти, ее последний крик.

Они пошли дальше, и тут только Вадим тревожно спросил, чувствуя, что их против воли тянет вперед какая-то неведомая сила:

– А куда мы вообще идем-то?

– Да туда, куда выйдем! – с хитрой и даже, как показалось,

коварной усмешкой ответил спутник, свалившийся на их головы черт знает зачем и откуда. Как посланник inferнального мира.

– Итак, – произнес он, – Человек и Вселенная имеют одно наречие, а вся Природа, Космос, логосно-словесна, то есть пронизана грамматическими структурами и человеческими свойствами. По антропному принципу. Воистину все сущее создано и расписано одним почерком Слова. Во Вселенной все со всем и со всеми общается и соединяется. Это как космическая литургия – песнь о всецелостности Мироздания. Ведь Мир – это большой Человек.

Сделав театральную паузу («Он еще и артист отменный», – подумал Вадим), Велемир Радомирович продолжил:

– Но сегодняшний хаос лжеинформации разрушает внутренний мир человека и поселяется там сам. Чтобы были не слышны из глубин естества праотцовские слова-корни. Чтобы все люди обменивались хаосом, потребляли друг друга и становились «гуманоедами» – последней популяцией людей.

– Ну, хорошо. А причем тут ваша жена? – вновь напомнил уже вовсю загрустивший Вадим, представив себе, что эта вечерняя прогулка никогда не закончится, а странный, но интересный субъект отныне будет идти с ними по жизни до гробовой доски. Той, которую когда-то «натянул» на себя Святогор, а теперь вот, похоже, и Велемир Радомирович.

– Сейчас отвечу, – пообещал «инфернальный посланник». Но говорить стал опять про другое: – Теперь слово

«русский» заменено на «россиянин». Ну конечно, любой получивший гражданство России негр, несомненно, станет россиянином, но ведь это нисколько не свидетельствует о его истинной национальности. Национальность – это имя народа. Еще в начале двадцатого века русский этнопсихолог Овсяннико-Куликовский говорил, что только слабоумные и идиоты лишены национальных признаков. Но верен и обратный силлогизм: человек, лишенный национальных признаков, попросту слабоумен и идиот. На Руси с давних времен, провожая родного человека в дальнюю дорогу, напутствовали: «Помни имя свое!» Имя народа – его священное наследие. Без имени – нет и именуемого. Вот и хотят превратить русских в недоделанных «россиян». Нам с преступным умыслом твердят, что русские люди всегда испокон веков были варварами, дикарями, колонизаторами, врывались в хутора, аулы, кишлаки, стойбища, сея коренным народам лишь смерть и разрушения.

– А разве не так? – наивно спросила Марина.

– А почему же тогда, замечу, они оставляли после себя школы, больницы, театры, музеи, университеты, фабрики и заводы? Русская литература служила и служит питательной средой многочисленных культур народов России. А русский язык выполнял и выполняет в многонациональной России объединительную роль, являясь важнейшим скрепом и залогом безопасности государства. Однако наши «управленцы» руководствуются своим примитивным взглядом на об-

разование как на «сферу услуг», подчиняясь лишь командам «господина Доллара». Их принцип: для «кухаркиных детей» – минимум знаний. А дети элиты и сами не хотят получать никаких знаний. Куда ж придем?

– Да туда, куда выйдем! – словами самого же Велемира Радомировича ответил Вадим, тем самым «отомстив» ему за его «поводырство». Но тот лишь отмахнулся:

– Все, что происходит в последние два десятилетия, удивительным образом соответствует задачам, поставленным международной закулисой в двадцатом веке, прежде всего программой Стенфордского «Фонда Чарльза Кеттеринга» – «Изменение образа человека», под руководством Уиллиса Хармона. Я тщательно ознакомился с ней, когда читал лекции в Гарварде и копался там в архивах. Она официально принята правительством США. Ее цель – достичь изменения образа мыслей и представлений широких масс в нужном направлении.

– Что это еще за шняга такая? – спросила Марина. Велемир Радомирович охотно пояснил:

– Программа использует, прежде всего, «шоковое воздействие» на сознание народных масс, метод «потрясений». Допустим, появляется в эфире чудовищно безнравственная, цинически бесстыдная информация (а сейчас они почти все такие), нарушающая все традиционные представления о морали. Вслед за бурей протестов начинается «обсуждение ситуации», то есть спор о бесспорном. Это первый этап растле-

ния масс. Затем идут манипуляции с сознанием для снижения уровня стыдливости, с помощью ангажированных СМИ, рекламы и так далее. Программа Хармона доводит обывателя до помрачения информационными «вспышками», происходит «замешательство сознания», снижение уровня стыдливости, нравственности, культуры. И все это нацелено на резкое снижение духовных начал и коренных понятий, обеспечивающих нормальное развитие человека и народа в целом.

Видя, что молодые люди уже слегка утомились и начинают украдкой позевывать, он свернул тему:

– Расскажу для разнообразия один исторический анекдот. В конце XIX века командующий французскими войсками в Марокко и Алжире генерал Луи-Жубер Лиоте однажды решил пройтись пешком. Был полдень, нещадно палило солнце. Генерал приказал своим подчиненным обсадить дорогу деревьями, которые давали бы тень. «Но, Ваше превосходительство, деревья вырастут только через 50 лет», – заметил один из офицеров. «Именно поэтому, – прервал его генерал, – работу надо начать сегодня же...» К чему это я? А к тому, что этот забавный факт был приведен во введении к совершенно секретному документу британской разведки СИС. В котором в 1950-х годах, совместно с ЦРУ, были впервые сформулированы стратегические основы ведения психологической и нейролингвистической войны против «коммунистических» стран. И выбрано кодовое слово для этой опера-

ции – «Лиоте». Смысл его заключался в том, что, приступая к осуществлению своей программы, ее авторы намеревались получить результаты спустя десятилетия. Получили...

Выдержав еще одну паузу, достаточную для осмысления сказанного, Велемир Радомирович добавил:

– Однако русский народ оказался самым живучим и эластичным в мире. Лишь за последние сто лет он пережил монархию, тоталитаризм, идеократию, социализм, теперь вот переваривает демократию с уклоном в дикий капитализм. Накопленный нами веками опыт выживания в любых условиях принес, с одной стороны, невероятные страдания, а с другой – дал тяжелый, а значит, тем более бесценный опыт.

Некоторое время они шли молча.

– Так что же с вашей женой приключилось? – выбрав удобный момент, в который раз спросил Вадим.

После этого вопроса их спутник стал как-то зримо затухать – огонь в фальшфейере иссяк.

– Да, жена... – пробормотал он. – Это ведь тоже своеобразные поиски, вроде поисков Праязыка. Языка пропавшей жены. Помните, у Блока: «О Русь моя, жена моя!..» Тут нечто подобное. Русь без языка, жена тоже.

– Чего-то я совсем запутался, – признался Вадим. – Русь, жена, Праязык... Каша какая-то. Метафизическая. Так пропала ваша супруга на самом деле или все это... аллегория?

– Нет. Пропала. Вместе с языком, – как-то невнятно отозвался мужчина.

– Расскажите о ней поподробнее, – попросила Марина.

– Что ж сказать? Больше всего на свете, кроме меня, смею надеяться, Лена любила свою химию, кино и горы. Вот горы-то ее и погубили. Ну, и кино тоже, поскольку в 2002-м году она увязалась за съемочной группой Бодрова-младшего в Кармадонское ущелье в Северной Осетии. А так каждое лето ездила то на Урал, то на Памир, то еще куда. Сам-то я не ходок, оставался в Москве.

– Искали Праязык человечества, – съязвив, подсказал Вадим. – Конечно, где ж ему быть, как не в Южном Бутово или в Бирюлево? Оттуда все и зародилось, все слова матерные.

Велемир Радомирович юмор не оценил, ответил так:

– Здесь, в архивах да библиотеках и копался. А кроме того, многое почерпнул из бесед с академиками и профессорами Троицким, Тюриным, Чудиновым, Гриневичем и другими умами. Так вот. Потянулась она, значит, за киношниками, звонила мне радостная из гостиницы во Владикавказе, говорила, что завтра, двадцатого сентября, идет в горы. А на следующий день, в двадцать часов пятнадцать минут с вершины двинулся ледник «Колка» – двести лет не трогался с места, а тут – на тебе! Да еще со скоростью триста метров в минуту.

– Как «Феррари»», – добавила Марина. Гоночные машины она также уважала.

– И всех разом накрыло. Все ущелье. Льдом, камнями... Высотой в несколько сот метров. Подсчитали, что погиб-

ло сто двадцать семь человек, через два года откопали тела лишь семнадцати. Лены среди них не было.

– Значит, официально она считается пропавшей без вести? – уточнил Вадим.

– Официально они все считаются погребенными под ледником, – ответил Велемир Радомирович. – Свидетельство о смерти мне не выдали, только справку. Тело-то не нашли. Но забыть Лену я не могу.

– А зачем вам вообще надо разводиться? – задала очередной вопрос Марина. – Да еще задним числом. Уж коли вы ее так любите. Любили, – поправилась она.

– И буду любить, и помнить до конца жизни. Но это ненормальная ситуация. Любить мертвую все же лучше, чем пропавшую в неизвестности. И это не какая-нибудь моя прихоть, с разводом. Она, Лена, как бы это потолковее объяснить?.. Она меня «не отпускает». Все время рядом, будто наблюдает за мной, следит. Мне, видите ли, порою становится просто страшно. Боюсь даже, что сойду с ума.

«Уже сошел, и не только от поисков Пряязыка»», – подумал Вадим, но вслух спросил:

– Как это – «не отпускает»?

Помолчав, словно собираясь с силами, соломенный вдовец продолжил, вновь разгораясь, как фальшфейер:

– Сначала это были всего лишь метафизические, мистические ощущения ее присутствия. Но вот неделю назад я поехал в городок Юрьеvec, на Волге, на родину Андрея Тар-

ковского. Один языковед, доктор наук, старенький, сказал мне, что там можно обнаружить некие древние артефакты, следы Праязыка. И дал рекомендации к человеку, старожилу Юрьевца, который мог мне помочь. Место там тихое, спокойное, самый большой разлив Волги. Да и мы с Леной в прошлом иногда ездили туда отдыхать. Нравилась церквушка на холме. Родник с какой-то чуть ли не живительной влагой. Словом, решил туда прокатиться. Совместить полезное с приятными воспоминаниями.

– Ну и? – подстегнул его Вадим, поскольку мужчина опять замолчал, погрузившись в себя, как в подводную лодку. Только глаза-перископы уставились вперед. Велемир Радомирович очнулся.

– Приехал я вечером. Пустых номеров в гостинице, как всегда, навалом. Она у них двухэтажная и единственная. А можно и удобный домик или квартирку снять при желании. Но у меня-то такого желания не было. Я вообще человек неприхотливый, ношу, что есть, ем, что дадут, и живу, где сон сморит. Где кровать да лампа. А сплю вообще мало, два-три часа в сутки.

– Это заметно, – сказала Марина. – Пуговицу бы вам пришить не мешало. Заняться, что ли?

– А сумеешь? – съехидничал Вадим. – Никогда не видел, чтобы ты что-то руками делала, дочь бога Гламура.

– А ты – офисный планктон, белый воротничок, пасынок Креатива, – тотчас откликнулась она.

– Не бранитесь, дети мои, – развел их Велемир Радомирович. – Успеете еще. И жениться, и развестись и снова жениться. Как Элизабет Тейлор с Ричардом Бартоном, не один раз. Так вот. В гостинице, как обычно, горячей воды не было. Мало того, холодной тоже. Зато возле нее, даже в холле и на этажах, много местных детей-попрошаек.

– Это везде так, по всей России, – согласился Вадим.

– Можно подумать, что ты много по стране ездишь, – возразила Марина. – Да ты дальше Садового кольца носа не кажешь. С Николиной горы на Смоленскую и обратно, вот и весь твой маршрут.

– А ты? Давно ли в своем Олонце была? Как приехала в столицу три года назад, так из фитнес-клубов да фотосессий и не вылазишь. Тебе ли знать, чем живет провинция?

– Я-то хоть корнями к земле ближе, а ты – к асфальту!

– Иной асфальт чернозема стоит.

– Ах, так?

– Ричард, Лиз, хватит вам, – вновь остановил их «старший по званию». – Интересная у вас в скором времени семейная жизнь начнется. Не соскучитесь. Даже по-доброму завидую. У нас-то с Леной как-то все без особых ссор обходилось. Пресновато. Хотя конфликты случались. Ну, ладно, слушайте дальше. Тут-то самое главное и начинается.

– Наконец-то! – хмыкнул Вадим.

– Присядем? – предложил Велемир Радомирович, кивнув на уютную лавочку, спрятавшуюся среди кустарника на

Цветном бульваре. Любопытно, что никто из них, ну, может быть, кроме одного, не задавался вопросом, куда и зачем они идут? Просто шли и шли, а теперь вот присели передохнуть. Чтобы продолжать слушать и говорить. А телохранитель устроился неподалеку.

– Итак, заселившись в гостиницу, я стал думать, как бы скоротать вечерок? Время было позднее, не до встреч с местным старожилом-артефактом, который наверняка спит лучшую часть светового дня. Отложил до утра. Честно говоря, я уже начинал слегка разочаровываться в своей поездке. Ну, какие следы Праязыка можно обнаружить в Юрьевце? Хотя как сказать... Как сказать, – повторил мужчина, задумавшись на короткое время. Потом увлеченно продолжил:

– Вот, скажем, еще в 1961 году в Трансильвании, на родине Дракулы, в маленьком румынском поселении Тэртэрия археологи обнаружили сенсационную находку. Она поломала вековые устои в отношении Праязыка и имела поистине поворотное значение в лингвистике, в науке о языках. А случилось вот что. Археологи нашли три крохотные глиняные таблички с пиктографическими изображениями. И они оказались на тысячи лет древнее шумерских! А ведь многие ученые считали именно шумеров изобретателями всего на свете, в том числе и древнего первого языка. Оставалось только гадать: каким образом почти за семь тысяч лет, да еще далеко за пределами прославленных древневосточных цивилизаций, очутились вдруг древнейшие на сегодняшний

день в истории человечества письмена, датируемые с помощью изотопных анализов четвертым тысячелетием до нашей эры? Ну-ка, кто из вас ответит?

– Никто, – обреченно отозвался Вадим, поняв, что Велемир Радомирович вновь оседлал своего любимого «конька» и остановить его нет никакой возможности. Но Марине нравилось все таинственное, поэтому она еще и прищипорила эту «лошадку», задав провокационный вопрос:

– Шумеры ведь, насколько я помню, были инопланетяне, прилетели к нам с какой-то планеты?

– С планеты Нибуру, – уточнил мужчина и улыбнулся: – Но вы не можете этого помнить, поскольку были тогда еще слишком малы.

– Ну не настолько, на тот момент уже двести с гаком исполнилось, – возразила Марина.

– Тогда да. Тогда вы должны помнить и две другие не менее загадочные цивилизации, возникшие чуть позднее. «Чуть», разумеется, по историческим меркам: каких-то семьсот-тысячу лет спустя. Древнеегипетскую – в долине Нила в 3100 году до нашей эры и древнеиндийскую – в долине Инда. И обе они, несомненно, испытали на себе сильнейшее влияние Шумера, удивительные достижения которого потрясают воображение современного человека до сих пор. Ведь шумеры стали первооткрывателями почти в сорока сферах человеческой деятельности. И это при том, что подобные знания не были нужны людям на заре цивилиза-

ции. Загадка? Еще какая. Более того, зародившаяся шесть тысяч лет назад цивилизация Шумера так же внезапно и таинственно исчезла.

– А может быть, они – действительно инопланетяне? – спросила Марина.

– Такая версия невольно всплывает у многих исследователей этой цивилизации. И это вполне естественно, поскольку подобное объяснение самое простое. Откуда у древнего народа были такие потрясающие знания? Между Марсом и Юпитером шумеры «видели» неизвестную большую планету. Они называли ее Нибуру, что означает «перетекающая». Нибуру якобы имела очень вытянутую и наклоненную орбиту и проходила между Марсом и Юпитером раз в 3600 лет. Именно с этой планеты, как прочли в шумерских текстах, на Землю пришли анунаки, «сошедшие с небес на Землю» примерно 445 тысяч лет назад. Причем, как утверждают шумерские письмены, «сходили» не один раз, а регулярно, каждые 3600 лет. Кстати, скоро опять «сойдут», поскольку цикл из этих очередных 3600 лет вот-вот закончится.

– И что же нас ждет? – поинтересовался Вадим.

– Ничего хорошего, – ответил Велемир Радомирович. – А может... Черт его знает! Я, право, не в курсе. Вопрос не ко мне. Но зачем же жители Нибуру высаживались на Землю? Оказывается, эта планета столкнулась с экологической проблемой. Для защиты своей атмосферы анунаки создали щит из золотых частиц. Точно такая же идея используется в со-

временных космических кораблях для защиты космонавтов от радиации. Вот и анунакам было нужно золото. Его они обнаружили на седьмой планете нашей Вселенной, то есть на Земле, и отрядили на нее первую экспедицию. Сначала они безуспешно пытались добывать драгоценный металл из вод Персидского залива, а потом взялись за разработки шахт в Юго-Восточной Африке. Около 300 тысяч лет назад анунаки, работавшие на золотодобыче, устали от тяжелой работы и подняли мятеж. Тогда инопланетные ученые с помощью генетических манипуляций создали специальных работников – хомо сапиенс. То есть нас.

– Из обезьян слепили людей. Теория Дарвина полностью подтверждается, – торжественно заявил Вадим.

– Ну, для кого как, – ответил Велемир Радомирович. – Есть же еще и божественная история. Она мне как-то ближе. А по этой теории инопланетяне наделили «новоделов» своими знаниями и умениями. Постепенно произошло слияние двух цивилизаций – земной и инопланетной, у хомо сапиенс и анунаков появились общие дети. Это всего лишь уфологическая версия, весьма, надо признать, любопытная. Но вот что странно. Современные археологические исследования подтвердили, что в Южной Африке в период каменного века действительно велись горнодобывающие работы. Археологи открыли обширные золотодобывающие шахты глубиной до 20 метров и определили возраст шахт – от 80 до 100 тысяч лет! Кстати, легенды племени зулу гласят, что в

этих шахтах работали рабы из плоти и крови, искусственно созданные «первыми людьми».

– Типа таджиков-дворников, – совсем не толерантно вырвалось у Марины.

Вадим погрозил ей пальцем, а Велемир Радомирович продолжил:

– Но меня, как нейролингвиста, интересует, прежде всего, вопрос: являлись ли шумеры создателями письменности? То есть, были ли они и тут первыми? Можно ли считать их родину – местом искомого Праязыка?

Вадим вновь заскучал, его от всей этой «лишней» информации коробило. А Марине нравилось. Она словно бы восполняла недостаток знаний, полученных в двух университетах. Хотя, по правде говоря, дипломы о высшем образовании попросту купила, как это теперь делали многие, да практически все.

– Шумеры создали уникальную форму письменности – клинопись. Шумерские письмена позволили ученым проследить сложный путь превращения знаков-рисунков в фонетические знаки, в знаки подлинного письма, передающего звуковую речь. Но это не то. Не Праязык человечества.

– А в чем проблема-то? – устало спросил Вадим.

– Сейчас там, в долине Тигра и Евфрата, звучит арабская речь. Но это совсем не та речь, на которой разговаривали шумеры. Две тысячи лет назад тут говорили по-арамейски. А если «отсчитать» еще две тысячи лет от нашей эры, то

«столкнемся» здесь уже с аккадской речью. Процесс можно еще больше «углубить», как говорил один наш политический вредитель, колорадский жук, взглянуть на шесть тысячелетий назад. И вот тогда только в Двуречье мы услышим шумерскую речь. Жители этой местности не только говорили по-шумерски, но и писали на этом языке. До нас дошло большое число «глиняных книг», обожженных табличек, покрытых рисуночными письменами. А исследования последних лет – археологические, лингвистические, антропологические – показали, что не шумеры были аборигенами Двуречья. Таким образом, цивилизация в Двуречье – дело рук не шумеров, а их предшественников «протошумеров».

– Это еще что за птицы?

Голос, как ни странно, принадлежал телохранителю, который стоял возле лавочки. О нем они все как-то и позабыли. Но безъязыкое «существо» тоже вдруг оказалось живым человеком.

– Да ты присаживайся, – пригласил Велемир Радомирович и начал охотно объяснять: – Обычно приставка «прото» употребляется в смысле «первые», «ранние», «самые первые». Однако предшественники шумеров говорили не по-шумерски, их язык был иным. Поэтому в науке принято другое наименование творцов древнейшей цивилизации Двуречья. По времени возникновения она до недавних пор являлась самой ранней цивилизацией на нашей планете. По имени холма, где впервые эта цивилизация была обнаружена и кото-

рый по-арабски называется Эль-Убайд, их называют убаидцами. Происхождение убаидцев до сих пор остается загадочным. Дело в том, что «люди убаидской культуры» как-то сразу и внезапно осваивают плодородные земли низовьев Тигра и Евфрата, основывают здесь первые поселки, которые позднее вырастут в знаменитые шумерские города. Эти пришельцы предстают перед нами с самого начала как носители высокоразвитой культуры.

– Кто же они? – спросил любопытный телохранитель.

Получив пополнение аудитории, нейролингвист словно бы обрел «второе дыхание»:

– Поскольку первыми создателями цивилизации Двуречья были убаидцы, можно употребить термин «убаидская», говоря о древнейшей системе письма, существовавшей в Двуречье еще до появления там шумеров. Восприняв ее, шумеры создали свое письмо – протошумерское – на основе убаидского. Подобно тому, как они восприняли и развили другие достижения убаидцев в области материальной и духовной культуры. Но ведь и убаидцы также являются пришлыми в долине Тигра и Евфрата. Вот ведь в чем загвоздка! До них тут существовала иная очень примитивная культура. Стало быть, не в Двуречье, а в ином месте надо искать истоки «убаидского письма», некое еще более древнее «прото-письмо»...

– Это как матрешка в матрешке, – заметил телохранитель.

– Да, пожалуй. Есть такой нейролингвистический прием,

чтобы запутать, – согласился Велемир Радомирович. – От этого «протописьма» отделилось письмо убайдцев, когда они пришли из некоего Центра X на юг Двуречья. Вторая ветвь дала начало протоиндийскому письму, а третья – протоэламскому. Помимо трех самых известных цивилизаций Древнего Востока – Двуречья, Египта и Индостана – существовала еще одна, не менее древняя, но гораздо менее известная – эламская. Об Эламе знают удивительно мало, а между тем здесь, в горных областях Ирана, были раскопаны древнейшие города, шедевры изобразительного искусства, обнаружены загадочные письмена, которые до сих пор еще не расшифрованы.

Тут терпение Вадима наконец-то лопнуло. Не выдержав более, он в сердцах бросил:

– Может, хватит уже о шумерах, убайдцах и прочей лабуде? Вы уж определитесь, что ищете: Центр X, Праязык или свою жену?

– И то, и другое, и третье, все имеет для меня огромное значение, – невнятно отозвался Велемир Радомирович, ничуть, впрочем, не обиравшись. И добавил: – Но вы правы. Прибьемся течением времени вновь к Юрьевцу. Итак, заселившись в гостиницу, я решил, чтобы не скучать в одиночестве, скоротать вечерок в обществе шуйской водки. Кстати, очень неплохая. Рекомендую, ежели будете в тех краях.

– Я текилу предпочитаю, – заявила Марина.

– Отрава, – тотчас же возразил Вадим.

– Сам ты «отрава», – последовало в ответ.

– Зато не паленка, как некоторые.

– Ах, так?!

– Слышала бы ваши ссоры Лена! – с какой-то грустью вмешался в их разговор Велемир Радомирович.

Жениху с невестой стало немного стыдно: тут о святых воспоминаниях, а они – про некачественный алкоголь.

– Продолжайте, – кашлянул Вадим.

– Продолжаю. Администраторша в гостинице намекнула мне, когда я заполнял листок, что можно скрасить одиночество и «другим способом». Ну, вы меня понимаете.

– Интим-услуги с широким выбором мулаток и мулатов? – спросила Марина.

– Вот именно. Работы-то как таковой ни у кого нет, особенно, у женского пола. Мужики пьют, женщины... Ну, словом, я отправился в магазин за продуктами. Ресторанов или кафе там тоже мало. Вернее, есть что-то несуразное, но и оно закрывается очень рано. Народу на улице почти никого. Больше собак. Да и те какие-то сонные, квелые от постоянного безделья, даже не тявкают.

– Итак, вы остались наедине с шуйской водкой.

– Почти так. Я вернулся с продуктами в свой номер, стал резать хлеб и колбасу. И тут вдруг обнаружил на столе записку. Послание. Когда я уходил, его не было. Значит, появилось только что. Листок бумаги, сложенный пополам. Я развернул. И, поверьте, едва не упал со стула. Мне букваль-

но кровь бросилась в глаза.

– Что же там было написано? – задала вопрос Марина.

Велемир Радомирович полез в карман, порылся и вытащил на свет листок бумаги, вырванный, судя по всему, из блокнота.

– Вот, сами смотрите.

Марина взяла листок двумя пальчиками, как ядовитую гадюку, и зачитала вслух:

– «Я ищу тебя! Где ты? Твоя жена Лена».

– Это ее почерк, – добавил Велемир Радомирович.

– Точно? – спросил Вадим.

– Я сличал потом с другими ее письмами.

– Все равно нужна графологическая почерковедческая экспертиза.

– Уже делается. Но суть-то в другом. Даже если это высококлассная подделка, то кому и зачем понадобилось так страшно шутить? А если не подделка, то... еще страшнее.

Теперь уже Вадим начал исследовать записку со всех сторон, даже зачем-то обнюхал ее, чуть ли не попробовал на зуб, и вернул владельцу.

– Да, действительно очень странно, – сказал юрист, переглянувшись со своей невестой. Та согласно пожала плечиками.

– А что, если это послание предназначалось вовсе и не вам? – предположила она. – Ну, давайте рассуждать так. Приехала в Юрьевец какая-то Лена, не ваша. Ждет мужа.

Номером ошиблась. Почерк у нее похож. Все женщины пишут почти одинаково аккуратно и старательно. Не дождалась – уехала. Вот вам и вся разгадка.

Велемир Радомирович недовольно хмыкнул.

– Если бы так! Я сверялся у администраторши. В гостинице, кроме меня, за последние сутки останавливались только несколько человек. Одна громадная тетка с выводком детей из Самары. Ивановская пожилая чета, почти безъязыкая. И пара бездельников с Чебоксар, транзитных. Никаких Лен не было и в помине.

– Что же было потом? – спросил Вадим. – Ведь на этом, как я понимаю, история не закончилась? Выпили вы, в конце концов, шуйскую водку или нет?

– А что мне оставалось? – мужчина усмехнулся. – Но уже не один.

– Как это? – вырвалось у обоих.

– Не в том смысле, что пил... с Леной. Понимаете, после того, как я прочитал записку, мне уже повсюду стала мерещиться она. Подойду к окну, отдерну занавеску – на улице стоит женская фигура... А это просто фонарный столб. Слышу шаги в коридоре. Открываю дверь – никого. Кто-то тихо постукивает за стенкой. Иду к администраторше, требую открыть соседний номер. Он пуст. Словом, начиналось какое-то тихое помешательство. Нервы совсем разболтались от всей этой чертовщины.

– Представляю, – сочувственно произнесла Марина. – Я

бы, наверное, просто сбежала.

— А я бы просто напился, — предложил свое решение данной проблемы Вадим.

— Я сделал и то, и другое, — ответил Велемир Радомирович. — Сначала я крепко принял на грудь, а потом, пообщавшись с местной публикой, пустился в затяжные бега. Но все это было потом. Пока же я собирал вещи и чего-то ждал. Надо было уходить, я понимал это, но продолжал сидеть в номере. Порывался вскочить, а ноги делались как ватные. Я мысленно прокручивал в голове всю свою жизнь с Леной. Мне думалось, что это действительно она написала записку. Явилась с того света. Но с какой целью?

— Ну, это вы... слишком, — неуверенно возразил Вадим.

— Я ведь мистик. Но что-то мы тут, друзья мои, засиделись. Встали — пошли.

И они продолжили путь к Трубной площади. Марине смертельно хотелось дослушать сказки «новой Шахерезады» до конца. А Вадим нервничал все больше и больше. Но времени впереди было еще много. Особо торопиться некуда. Так, по крайней мере, казалось и Вадиму, и Марине. Они не знали и не могли знать, что все только начинается. Что остаться наедине удастся уже не скоро. Что они уже втянуты в некий раскручивающийся маховик событий. И события эти коснутся не только каждого из них или Велемира Радомировича, возникшего на безоблачном горизонте, как челябинский метеорит возмездия, но многих и многих, близких

и совсем чужих.

– А дальше? – потребовала Марина.

– Дверь в номер открылась, в проеме обрисовалась женская фигура, силуэтом напоминающая Лену, и я потерял сознание, шмякнувшись лицом об пол. «Мордой», как выразились потом.

Некоторое время они шли молча. Обдумывали сказанное каждый по-своему.

– Пришли, – произнес вдруг «посланник с Нибуру», останавливаясь у дома с башенками.

Глава четвертая. Два дня назад

Погони за своей спиной он больше не чувствовал. Да и была ли она вообще, не пригрезилась ли в разгоряченной и поплывшей от самогона голове? Велемир добрел по вязкому песку до пляжной отмели. Здесь он когда-то загорал с Леной, они кормили хлебными крошками мальков, купались. Но уже тогда на берегу было очень много снулой рыбы. Волга умирает, и все, что в ее водах, тоже.

Подумав, Велемир стал раздеваться. Альма присела рядышком, с любопытством наблюдая за ним: что еще выкинет? Уж не топить ли собрался? Если так, то это надо делать подальше, у валунов, где и глубже и течение покруче. Там, знала собака, и муж Лены с кладбища утоп.

Велемир сбросил с себя все, кроме трусов. Потом, поглядев вокруг, снял и их тоже. Утренняя свежесть и ветерок с реки приятно охладили вспотевшее тело. Сложив всю одежду на округлый камень, он пошел в воду. Почти по ней, как блаженный Симон Юрьевецкий. Но здесь было совсем мелко, по щиколотку. Да святого бы из него и не вышло. Рано еще.

Пройдя несколько метров, Велемир попробовал окунуться, но в воде стало настолько холодно, что защемило сердце, и он поспешил выскочить обратно на берег. Альма, словно ждала этого, сразу затявкала, будто поздравляла с возвраще-

нием к жизни. А он вдруг представил себе, как плывет по течению реки, раздувшийся, словно бревно, с уставившимися в синее небо мертвыми глазами. Картина была столь отвратительной, что он чертыхнулся, а потом еще и наступил босой ступней на бутылочный осколок.

– Вот сволочи! – совсем разъярился он. – Где пьют, там и гадят.

Допрыгав на одной ноге до камня, Велемир попытался в позе «мальчика, вынимающего занозу», высосать из ранки кровь. Когда с этими манипуляциями было покончено, он принял другую скульптурную композицию – роденовского мыслителя. Голый человек, подперев скулу кулаком, сидел на берегу реки и глядел на текущие воды. О чем он думал? О Лене, конечно. И теперь, казалось, и вовсе окаменел. А собака легла рядом, у его ног.

Размышления Велемира прервало появление длинного, жилистого, загорелого до черноты человека в плавках и с вафельным полотенцем на плече. Ступал он бесшумно, был похож на скрученный темный провод, а рыжая голова отличалась золотом, как клемма.

«Наверное, это и есть здешний знаменитый электрик с насосной станции», – догадался Велемир. Просто никто иной такую «электрическую» внешность иметь не мог. «Ему бы еще два светящихся миньона вместо яиц».

– Доброе утро! – приветливо сказал мужчина, мимоходом взглянув на «мыслителя».

– И вам не хворать, – отозвался Велемир, натягивая трусы.

Электрик, между тем, напротив, плавки сбросил и с разбегу кинулся в воду. И, самое удивительное – поплыл! Видно, знал тут какое-то глубокое место, где можно было не опасаться зацепиться брюхом за дно. Велемир с любопытством наблюдал за его фырканием. «Как же его величали, там, в гостинице?» – вспоминал он. Добравшись до бакена, мужчина повернул обратно. Вылез на берег и начал тотчас же растираться, поминутно отплевываясь.

– Погода-то, погода какая, а? – радостно сообщил он.

– А какая? – спросил Велемир.

– Ну-у... Это вам не вчера.

– А вчера – что?

– Не то.

– Вот и я так думаю, – согласился Велемир. – А завтра?

– Тоже, – уверенно ответил мужчина.

– Интересный вы человек, Максим Иванович, глубоко роете.

– Вы меня знаете?

– Наслышан. А я вот Велемир Радомирович.

– И я о вас в курсе, – явно соврал электрик, из вежливости. А может быть, и вправду знал что-то. – Рад познакомиться.

И он тут же приступил к физическим упражнениям. Стал выбрасывать в стороны длинные руки, сгибаться пополам, приседать и подпрыгивать. Альма смотрела на него с беспо-

койным интересом: с ума сошел, что ли? Ведь лежать или сидеть гораздо удобнее и приятней. Но, очевидно, для электрика это были ежедневные процедуры. «Человек, так энергично заботящийся о своем здоровье, долго не проживет», – подумалось Велемиру. Любые лишние перемещения тела в пространстве укорачивают отпущенное этому телу время. Износ металла, закон физики.

– На завтрак мы что едим? – зачем-то спросил он.

– Овсянка, яйцо всмятку, стакан молока, – охотно отпартовал Максим Иванович. – Самая полезная пища. И, разумеется, без соли. А хлеб лучше всего слегка поджарить. И без масла.

– Так я и думал, – кивнул Велемир. – Курение?

– Ну что вы! Яд.

– Тогда об алкоголе и не спрашиваю.

– Нет, выпить немного можно. Но исключительно хорошего виноградного вина.

Электрик стал отжиматься на песке.

– Секс? – продолжил допрос Велемир.

– Обязательно. Три раза в неделю, – его, казалось, не смущали подобные вопросы. Он словно бы интервью давал заезжему журналисту.

– Почему не четыре?

– Совесть не позволяет, – изменяя своим шаблонным фразам, ответил физкультурник. Велемир не стал допытываться: ну, не позволяет – так не позволяет, может, чрезмерно

совестливый человек, электрики все такие, под напряжением работают.

– А вы, значит, приезжий? – теперь сам Максим Иванович задал наводящий вопрос.

– Забредший, – ответил Велемир. И добавил, поправив: – Заблудший.

– Бывает. А к кому?

– Пока еще точно не знаю. Не решил. Время покажет.

– Это вы верно заметили. Ну, когда покажет, тогда меня кликните, я приду, сниму показания со счетчика.

«Эге! А он тоже далеко не так прост, как и все тут. Здесь дураков нет, – подумал Велемир. – А чего ты ждал? Приехал сюзерен к своим вассалам? Загордились там, в своих столицах...»

– Обязательно кликну.

Электрик стал глубоко вдыхать и выдыхать воздух, вентилируя легкие. Затем начался бег на месте. Потом опять дыхательная гимнастика.

– А Ирина, часом, не к вам приехала? – спросил Велемир в лоб, пока тот не успел отдышаться.

– Вы и о ней знаете? Ко мне, к кому же еще.

Максима Ивановича, казалось, ничто взять не могло. Никакие допросы с пристрастием или подковырки. Он протянул Велемиру руку и сказал на прощанье:

– Все, ушел. Режим, работа. Вы заходите сегодня вечером. Поужинаем, поболтаем.

– Спасибо, непременно, – ответил московский гость, уже не уверенный здесь ни в чем.

Сам он тоже поднялся с камня, облачился в свою одежду и, в сопровождении юрьевецкой волчицы, побрел наугад, куда глаза глядят. Альяма будто обрела в нем хозяина. Может, чувствовала что-то близкое, родное. Ведь она потеряла своих детей, а он – жену. И никого уже не вернешь. Но собака не фамильярничала, деликатно держалась чуть позади, не лезла со своими песьими повадками на брудершафт. Хотя и хотелось.

Они поднялись на косогор, прошлись вдоль ветхого деревянного заборчика, спустились по крутой улице вниз, а потом вновь начался подъем, едва ли не под прямым углом к небу. «Просто какое-то хождение для мытарей», – подумалось Велемиру. Холмистая местность. И как здесь люди живут? вот так и живут, – ответил он сам себе, – в трудах и тяжбах».

А на вершине пирамидальной горы стояла церковь. С какими-то хозяйственными пристройками. Судя по всему, храм был древний, века семнадцатого. Стены выбеленные, с синевой, купол сияет. А вот тяжелая массивная дверь открывалась плохо, негостеприимно. Не всякой старушке под силу. Путь к Богу непрост.

Велемир сначала даже подумал, что ворота заперты. Раз подергал, другой, а на третий все-таки с трудом, но отворил. Перекрестившись, вошел внутрь. Свет чуть падал из верх-

них оконцев, ни одной свечи не горело, но храм не был пуст. Да это и понятно. Даже если бы никого не было. А тут сразу два человека сидели на скамеечке у правого придела и тихо разговаривали. Солнечный луч как раз лежал у их ног. Один был стар, сед и длиннобород, другой – моложав, модно стрижен и даже молодцеват. Этот и бросил раздраженно в сторону Велемира:

– Закрыто еще! – словно тот вошел в продовольственный магазин за водкой. В неурочное время.

Велемир повернулся, чтобы уйти, поскольку «покупать», после такого приветливого приема, ничего не собирался.

– Да пусть, – остановил его другой голос, мягкий, принадлежавший старику-патриарху. – Пусть помолится.

– Спасибо, батюшка, – поблагодарил его Велемир.

– Батюшка здесь – я! – еще более раздраженно откликнулся модник. Ранний прихожанин явно вызывал у него какую-то неприязнь.

– А я всего лишь мирянин, – улыбнулся старик. Волосы его ниспадали до плеч, были такие же серебристые, как и борода. Оба человека были в гражданской одежде, поэтому сразу и не разберешь. Но молодой никак не походил на священника, наверное, только что из семинарии. И говорил резко, и смотрел косо. Вот и сейчас сердито добавил:

– Службы сегодня не будет. Молитесь поскорее да уходите.

Как будто Велемир где-то перешел ему дорогу, или втайне

намеревался занять его место в приходе. Даже прошла охота приложиться к иконам, разглядеть помещенные на стенах образа. Отворить душу после вчерашнего бультерьеро и покаяться. Украсть он сюда пришел, что ли?

– В такой спешке я молиться наотрез отказываюсь, – заявил Велемир.

– Ваше дело, – усмехнулся иерей. – Вам и отвечать.

И опять сказано было грубовато, с нажимом каким-то, дескать, чего тогда приперся-то? Вали отсюда. Но тут в дело вмешался благообразный старичок, действительно очень похожий на ветхозаветного пророка:

– Если бы не пришел и не говорил им, если бы не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха, а теперь и видели, и не имеют извинения, и как убегут от осуждения, как?..

– Чего? – спросили они оба одновременно. Несколько растерявшись.

А старец, вроде бы даже подхихикнув, пояснил:

– Это из Библии. О свободе воли. Господу не нужны послушные заводные игрушки, пусть и любящие его. Любовь не может быть по принуждению. Но почему тогда познание добра и зла, а оно априори греховно, неразрывно связано со свободой воли?

Молодой поп и Велемир молчали, словно нерадивые ученики на уроке пения. Скорее, от неожиданного напора старца, чем от собственной бестолковости. А священнослужитель

тель вообще уж наверняка должен был бы давно привыкнуть к манерам своего «мирянина».

– И что? – еще строже повторил юрьевецкий пророк. – И где теперь эта истинная любовь вместе со свободой воли? Вот и спрашиваю вас: как убежите от осуждения, когда посылают к вам пророков и мудрецов, а вы их гоните из города в город и убиваете в храмах и синагогах, в мечетях и молельных домах, прямо на жертвенниках. О, Иерусалим! – возвысил он голос: – О, тайна беззакония твоя! Отец лжи всюду. И как? И как, спрашиваю я? Отвечать!

Велемир достал из кармана платок, вытер вспотевший лоб (хотя в церкви было довольно прохладно) и тихо спросил у священника:

– Он что, сумасшедший?

– Сам ты это слово, – отозвался тот.

Велемир вновь не понимал: что происходит, где он находится и куда вообще попал? Повторение вчерашней фантазмагии. Только на ином уровне. Молодой поп робко молчит и слушает словесные кривляния этого местного юродивого. А тот наслаждается Словом. Языкастый дедушка. Кто из них тут благочинный? «И зачем мне весь этот «односторонний диспут»? Старик-то даже поболтливее меня будет. Тоже с нейролингвистическими способностями, не иначе», – раздумывал Велемир.

– О, сыновья и дочери земные, порождения ехидны, псы и волчицы поганые, захлебнувшиеся собственной блевотой!

Пошто сало жрете? Племя крысиное, слуги бесовские, наложницы сатаны!.. – завыл тут блаженный.

Велемир, не слушая его больше, подумал: «Чего он пургу какую-то гонит?» Старик сейчас нравился ему еще меньше, чем поп, который как-то плотоядно улыбался, словно сосал ириску. Он был слишком уж краснощеким и здоровым, прямо кровь с молоком, бабы таких любят. Наверняка своей попадье изменяет налево и направо. Тот еще кобель в рясе.

А слова приволжского новоявленного расстриги Илиодора летали вокруг них, как тополиный пух, назойливо забиваясь в нос и уши. Когда старчик на минутку прервался, Велемир задал попу давно томивший его вопрос:

– А это не к тебе Ирина приехала?

– Какая еще Ирина? – поморщился иерей.

– Тебе, отец, лучше знать.

– Не ведаю я никакой Ирины.

– Уж будто. А если подумаем? – откуда-то у него вдруг появилась ухватка прожженного следака: – Все уже в городе ведают, а ты – нет. Брось. Зачем запираяться? Не надо. И попадьа уже в курсе дел. А ты все в несознанке.

– Да я... – начал было оправдываться поп, совершенно обескуражившись, но тут его прервал библейский патриарх, ласково так сообщив:

– Это – ко мне. Ирина то есть. Разрешите представиться: Ферапонтов, директор средней школы. Матвей Яковлевич. По совместительству – учитель истории, русского языка, ли-

тературы, физики, географии и математики. Словом, всего на свете. Еще и сплясать могу. Хотите?

– Нет, не хочу!

– А вас как?

– Никак, – зачем-то огрызнулся Велемир, но тотчас поправился, поскольку стал видеть в директоре объект для исследования: – Радомир Велемирович, вот как. Можно и наоборот.

Он вспомнил то, зачем приехал в Юрьевец. Да ведь к этому Ферапонтову же! К этому вот артефакту. К нему и дали рекомендации из Москвы по поводу Пряязыка.

– Я наоборот буду, если не возражаете.

– Да как угодно. Имя – не клеймо на лбу. Стереть – что плюнуть. А можно с вами поговорить наедине? По сугубо важному делу.

– Можно, – охотно кивнул старик и поглядел на часы. – Только сейчас я в школу, она рядышком, а после уроков – милости просим. Часикам к двенадцати.

– Ночи? – почему-то решил Велемир.

Директор, учитель, пророк и артефакт в одном флаконе засмеялся.

– В полдень, юноша, в полдень, – сказал он и, кивнув священнику, засеменял к выходу.

– Да юноше-то уже сорок пять будет, – бросил ему вдогонку Велемир.

– А это не важно, – ответил за Ферапонтова поп. – Он всех

принимает. Вы и ко мне заходите.

– Зайду-с. Время выпадет.

И Велемир, перекрестившись, также не стал здесь больше задерживаться, провожаемый недружелюбным взглядом. Но на выходе из храма солнце встретило его радостным сияющим светом. И на душе как-то полегчало. Все хорошо, жизнь прекрасна. Надо только в ней разобраться. И он решил догнать Ферапонтова, но того и след простыл. Шустрый оказался старичок. Будто растворился в воздухе. Да и школы никакой поблизости не было видно.

«Ладно, – подумал он. – Найду. Коли назначено в двенадцать, в полдень и явлюсь, как тень отца Гамлета. Не отвертится!» Потом Велемир вспомнил, что сегодня, кажется, второе июля, воскресенье, да и вообще лето. Какие, к черту, уроки? Каникулы же. Чего он там преподает и кому? Крысиновую азбуку мышам? Велемир посмотрел на Альму, но та не ответила, виновато вильнув хвостом.

Зато он опять услышал какой-то противный, ржавый скрип инвалидной коляски. Собственно, этот звук преследовал его всю дорогу – от берега Волги до церкви, мерещился на каждом углу. Потому-то он и нырнул в храм. Теперь вот снова. Самой коляски не было видно, а смычком по «скрипке», как плохой и даже отвратительный музыкант, кто-то периодически водил.

«Выслеживают! – решил Велемир. – Надо уходить в баню». Почему именно в баню, он не знал, но чувствовал, что

это самое верное средство от преследования. А впрочем, даже логично: среди голых тел и затеряться легче. К тому же все равно нужно было смыть липкий ночной пот. Уж если не удалось полноценно окунуться в великую русскую реку, то хоть поплескается в шайке. А вот почему его продолжает преследовать другая «шайка» – на этот вопрос у Велемира ответа не было.

Первым делом он проверил в карманах наличные. Основная сумма у него была припрятана в бритвенном приборе, но тот остался в гостиничном номере. Не возвращаться же себе «на погибель»? Но несколько сотен рублей все же набралась. Хватит и на баню, и на колбасу. Только сейчас он вдруг почувствовал зверский аппетит. Даже засосало в желудке, словно там включился пылесос вместе с полотером. Велемир подхватил с земли корявую палку – так, на всякий случай, и зашагал вниз по склону. Где-то тут должен был быть продуктовый магазин...

Он нашел его через несколько кварталов. Редкие прохожие с провинциальной приветливостью улыбались ему, а на душе у Велемира становилось все спокойнее и даже веселее. Если бы не этот проклятый скрип колеса, который постоянно настораживал и заставлял крепче сжимать в руке осиновый кол. А так городок вполне милый и гостеприимный. Вот тут надо было Олимпийские игры проводить, вместо того, чтобы в Сочи всяких. Или, на худой конец, Параолимпиаду. Для местных жителей. Муж Кати – первый претендент на золото.

Выбеленный лабаз с кривой вывеской носил малопонятное название – «Дары Хилендара», но ниже были нарисованы кочан капусты, яблоко и селедка. Велемир резво вошел внутрь и, не снижая скорости, спросил у темнокожего носатого продавца, то ли армянина, то ли грека:

– Сосиски есть?

– Есть, есть, – ответил тот, и в свою очередь поинтересовался: – А дрын зачем?

Велемир оперся на свою палицу и задал новый вопрос:

– Хилендар – это в Турции?

– Афон, – обиделся продавец. – У нас все продукты монастырские, с грядок.

– Селедка тоже?

– Даже хлеб, ручного замеса, – кивнул носатый. Он был в белом фартуке, но с какими-то грязными красноватыми разводами. Мясо в подсобке рубил, что ли?

– Взвесьте полкило, – сказал Велемир, присматриваясь к товарам.

– Чэго?

– Докторской.

Продавец сноровисто махнул тесаком по батону колбасы, бросил половинку на весы.

– Исключительная точность, – похвалил Велемир. – В снайперских ротах не служили? Дырки в головах врагов не делали?

– Могу предложить свежую брынзу, – отозвался греко-ар-

мянин. – Будэтэ?

– Буду. Двести грамм. И бородинского.

– Пыво? – угадал тайное желание Велемира продавец.

– Три бутылки. Самого дешевого. Одну открыть. Все остальное сложить в пакет. И медленно передать мне. Вторую руку держать на виду.

На его придурливость лабазник перестал обращать внимания. А может, не все понимал по-русски. Он выполнил указания покупателя и назвал цену.

– Когда у вас баня открывается? – спросил Велемир, расплачиваясь.

– В восем. Ужэ работаыт. Што ыщо?

– Ышо вот что. Женщину тут одну не видели? Приезжая. Светловолосая. Симпатичная такая. С родинкой на щеке. Зовут Ирина. И, часом, не к тебе ли она и приехала?

– Зачэм ко мнэ? У мэня жэна, дэти. Она к учытэлю. Вмэсте вчэра прыходыли. Балык взяли, шампанско. А што? Ыщите?

– Ыщу, родненький, ыщу.

Велемир вышел из магазина, сел на скамеечку возле лабаза и начал рассуждать. Попутно откусывал колбасу и делился ею с Альмой. Насчет родинки он задал армянину вопрос наугад, но, судя по всему, попал в точку. У обеих сестер были одинаковые родинки. В одном и том же месте, на левой щеке, где ямочка. Генетическая наследственность.

Конечно, это невероятно, чтобы Ирина из Германии при-

ехала сюда, но чем черт не шутит! А если... действительно сюда, в Юрьевец, то что же получается? Проведать могилу Лены? Бред какой-то. Она ведь покойся под многометровой толщей ледника «Колка» в Кармадонском ущелье. Сумела выбраться? Проще сразу сойти с ума, чем думать об этом.

Когда он познакомился с Леной, в 1992 году, Ирина уже готовилась к эмиграции, выйдя замуж за какого-то саратовского немца. Штампа, кажется. Так его звали. Или как-то иначе, сейчас трудно вспомнить. Он ведь ее плохо знал. Но на его свадьбе с Леной она вместе со своим «Штатпом в паспорте» была. Потом в девяностые еще несколько раз приезжала к ним в Москву в гости. А вот они к ней в Дойчланд так и не удосужились. Но, скорее всего, он идет по ложному следу. Искать надо в другом месте. И кого искать-то? Он даже не заметил, что разговаривает вслух.

– Ну, теперь – в баню! – как полководец перед решающим штурмом, скомандовал он Альме. И, подобно Ганнибалу с его любимым слоном, они выступили в поход на Рим, оставив место временной стоянки.

Билет в баню стоил двадцать копеек. Велемир сначала заплатил, а потом недоуменно вернулся к окошечку.

– Как – двадцать? Вы чего тут?..

– А это только сегодня, – ответила кассирша, настоящая кустодиевская красавица. – По случаю дня рождения Митрофана Васильевича. Возврат в прошлое, так сказать.

– Кто таков? – смягчившись, спросил Велемир. Ему идея

Митрофана Васильевича пришлось по душе.

– Банщик наш. Главный. Он там сам сейчас всех и парит.

– Ну, дайте тогда еще и мочалку, что ли... А может, по поводу его именин и бабы вместе с мужиками моются?

– Нет, этого нет. Этого и при советской власти не было.

– Много вы знаете! А пиво тоже по старой цене?

– Пива вообще нет. Все с собой приносят.

– Действительно, все как в прежние времена, – кивнул Велемир. Его это еще больше порадовало. А также то, что он предусмотрительно купил три бутылки. Жалко только, не было с собой бритвенного прибора.

– Там побреют, – угадала его желание привратница.

Из парилки доносились какие-то крики. Словно там была и не парная вовсе, а один из подвалов гестапо. Или, что еще хуже, первый круг ада. Сжавшись, Велемир приоткрыл дубовую дверь и шагнул в самое пекло. В клубах пара и полумраке он едва различил лесенки полок и разнокалиберных мужиков: кто сидел, кто лежал, кто стоял, но говорили практически все вместе. А один, растянувшийся на самом верху – орал. Потому что его охаживало сразу двумя вениками волосатое и кряжистое идолище, похожее на корягу или корень дуба.

– Этого сюда! – прокричал главный банщик, сталкивая пытаемого вниз.

Велемир не сразу сообразил, что имеют в виду именно его. Каким-то образом, очевидно, с помощью чужих рук, он очу-

тился на верхней полке, прижатый к ней мощным коленом. Сначала палач-именинник стал долбить его по позвоночнику кулаком и пересчитывать ребра, потом вообще уселся на поясницу и принялся выворачивать шею. Внутри у Велемира все хрустело и ломалось, а сам он скрежетал зубами и стонал, но вот – в какой-то миг – наступило и облегчение.

– Следующий! – проорал Митрофан Васильевич и спихнул его с полки.

Велемир вприпрыжку побежал под душ, и на этот раз ледяная вода показалась ему благом. Источником жизни. Такого внутреннего очищения и нахлынувшей вдруг радости он уже давно не испытывал. Какие там ванны в Москве! Ай да Митрофан Васильевич, ай да сукин сын!.. Жаль, забыл спросить, не к нему ли Ирина приехала? Вот это была бы парочка.

Омывшись, Велемир возвратился на свое местечко, где завернулся в прикупленную заранее простыню. Вальжно вытянул ноги и закрыл глаза. Чудесное тепло разливалось по всему телу, словно он выпил амброзии. Но и пиво было ничуть не хуже. Небольшими глотками он осушил одну бутылку, а со второй решил подождать. Сквозь приятную дрему Велемир невольно начал прислушиваться к разговору сидящих неподалеку мужиков.

Их было двое. Ничего такого особенно выдающегося, голые как голые, они все одинаковые. С прилипшими к телу березовыми листочками. А разговаривали полусшепотом.

Хотя в каменной «мыловарне» каждое их слово отдавалось гулом. Как в филармонии. Бу-бу-бу-бу. Но слышалось что-то знакомое.

– Я ведь ему говорю ясно: бери по четыре, а он – по два. Магометка проклятый. Помидоры-то ждать не могут, потекут.

– Знамо дело, испортятся. Потом и за два не возьмет. Только по полтора. У меня тож вся машина ими забита. А куда девать? А полицаи за них.

– И гауляйтер. И наместник Кремля, только своим в доску прикидывается. А сам за зверей стоит. По два! Ишь чего захотели! Да я удавлюсь скорее.

– И удавишься. Все мы скоро сами собой удавимся. От такой жизни.

Велемир смекнул, что это те самые транзитные, из Чебоксар. Только среди голых тел никто никого, конечно же, не узнавал. Да и пьяные вчера все были в полный дребадан. Кто кого запомнит? Но на всякий случай Велемир пересел от транзитных подальше. Тут, среди трех мужиков, тоже шел интересный и продуктивный разговор.

– ...Куры несутся, как очумелые, – гудел один из них. – Просто ничего не могу понять, никогда такого не было. И ведь главное – петуха-то нет, зарезали еще в прошлом году. А как вышло? Люба моя помирать собралась, грит, хочу супчика из петушиных потрошков, напоследок, ну я и тюкнул топором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.